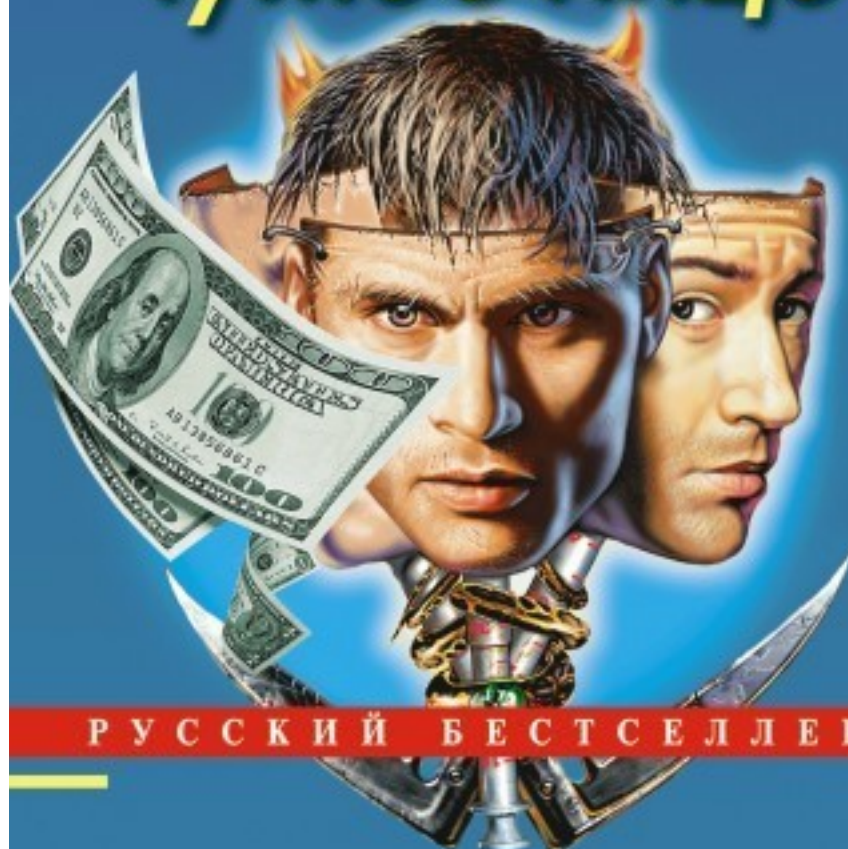

Сергей
ДЫШЕВ

Кукла чужое лицо

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Сергей Дышев

Куплю чужое лицо

«ЭКСМО»

2007

Дышев С. М.

Куплю чужое лицо / С. М. Дышев — «Эксмо», 2007

Он знал, что его должны убить. Если приговор выносит наркомафия – пиши пропало. И сотрудник отдела по борьбе с наркотиками Владимир Раевский решает не только круто изменить свою жизнь, но – самое главное – свою внешность. Теперь он уже не Раевский, а некто Кузнецов. Но, избавившись от одних врагов, сам не заметил, как нажил других. Менты обвиняют его в убийстве самого себя, ведь Владимир, желая окончательно замести следы, собственноручно разместил в газетах заметки о собственной кончине...

© Дышев С. М., 2007

© Эксмо, 2007

Сергей Дышев

Куплю чужое лицо

Описываемые события реальны в той степени, в которой соответствуют действительности.

Автор

Я встретился с моим бывшим начальником до операции и сказал: «Мне надо скрыться, иначе меня убьют». Он сказал: «Володька, какая ерунда, у меня столько дел, отвлекаешь, никто не обращался с подобной чушью. Это у тебя просто синдром трусости!»

Но я знал, что киллер-гастарбайтер Веракса каждый день вкалывает в себя все большую дозу героина, у него нет счастья, у него есть цель. Эта цель – я.

Человек, хоть раз стоявший на краю пропасти, даже если это был подоконник хрущевки, уже по-иному смеется над трудностями ущемленного самолюбия.

Я – Раевский. Фамилия досталась из глубины веков, годы-перекаты заставляли меня то забывать, то специально скрывать мое знаменитое родство... Самое неприятное – не замечать укоризненных взглядов тех, кто считает себя наследием России. Обычно это старые пердуны. Они вовремя не засветились на партсобраниях, во времена перестройки ворчали на «сухие» прелести горбачевских «свершений», а когда спецмолодежь похватила общенародное, они озабудились до маразма. Их сторонились даже священники.

Для полного счастья надо пережить острое чувство одиночества. Какое-то время я жил под лозунгами, которые сочинил сам. Впрочем, лозунгами это назвать было нельзя, вспышки-мыслишки, которые всего лишь хотелось проверить на «авось». Для ощущения одиночества я расстался с женщиной, с которой спал двадцать девять дней и которая уже надеялась плотно войти во все графики моей жизни. Как и я непосредственно в нее саму.

Но что-то сверху возопило, я захотел одиночества, как раз в то время мне навязчиво снились огромные затопленные луга, я плыл, плыл и плыл... Кое-кто мне советовал обратиться к психиатру. Я не внял: сновидения, как правило, оказывают решающее значение в моей судьбе.

И я поплыл.

Она плакала, слава богу, телефон – неплохая промокашка, и дальние слезы не могли омрачить мой пыл. Она говорила, что испытывает жуткое одиночество, даже когда идет по самой шумной улице. Я не верил. Не тому, конечно, что она ходит по шумным улицам, а ее заверениям, что люди, противоположные до крайности, неизъяснимо тянутся друг к другу. Я опасался ее, как можно опасаться лишь женщину, предавшую тебя однажды.

Но женщинам предательство всегда сходит с рук. По крайней мере, с моих, – и наш продолжающийся трехчасовой разговор по телефону тому вялое подтверждение.

– А во Львов почему не уедешь? – незаинтересованно спросил я.

– Там я никому не нужна, – грустно ответила Мария. – Мамка с батькой разменяли двухкомнатную квартиру и усиленно создают новые семьи. Вроде бы меня не прогоняют, а прийтись негде. У них свои проблемы. – И без видимой связи вздохнула: – Эх, мужичка бы хорошего, толкового, можно, на худой конец, и москаля.

– А я что – не сгожусь? – спросил тогда я и мысленно положил ей руку на грудь. Я даже смог определить, что она уже сняла лифчик, оставшись в рубашке...

Так получилось, что продолжение этого разговора вскоре произошло в моей комнатухе. Мы пили водянистое вино цвета марганцовки и, путаясь в словах и мыслях, называли его бургундским – добрым и старым, как старшина роты в отставке. Я называл «добрым», она – «старым», а возможно, и наоборот.

Мария лениво сбросила руку, усмехнулась и снова вздохнула:

– Не обижайся, но какой с тебя мужик? Ни квартиры своей нет, ничего... Такой же флюгер, как и я. Увидел, где деньги можно шальные получить, – и полетел туда... Не обижаешься?

– Обижаюсь. Что за фамилия – Флюгер?

Так Мария игралась со мной. Она присела на колени. Имеется в виду на мои колени. Я почувствовал аромат волос. У каждой женщины волосы пахнут по-своему. У нее же запах был особенно необычен, он что-то напоминал из далекого детства, когда я в летней беседке впервые неумело и робко прижимался к девчонке из соседнего класса. Кажется, именно так пахли ее волосы. А может, они всегда так пахнут, и волнуют, и тревожат, и не в женщине самой дело, а в тебе самом... Нет, все же в женщине... Биологи бы объяснили: мол, женская кожа специально издает призывный аромат, но не всегда, а когда остро истоскуется по любви и мужским объятиям.

– У тебя давно не было мужика? – спросил я, нарочито зевнув. – Если не хочешь, не говори, просто я подумал, что тебе катастрофически, жестоко не хватает мужичка. И необязательно он должен быть сякой-такой крутой военизированный, в шрамах справа налево и снизу вверх...

Она ответила, чуть приподняв одну бровь вверх, глядя в потолок:

– Наверное, полгода. Как-то отвыкаешь, и уже в привычку входит воздержание.

– Это точно... Когда я в Афгане служил, многие сохли по гарнизонным дамам, а те нос задирали, не подступись. А другие ребята их как в упор не видели. Я тоже сказал себе: стану схимником. Придет время – все наверстаем...

– Ну и как?

– Наверстываю...

Мы оба рассмеялись. Душевная у нас пошла беседа. Прямо как у солдат одного взвода.

В конце концов случилось то, чему было не миновать. Наши бранные тела как-то сами по себе сблизилась, несчастное диванное расстояние между нами сократилось до нуля, а потом еще меньше, на отрицательные величины, мы сплелись и, как голодные звери, набросились друг на друга. Древние, как жизнь, инстинкты покорили нас, неизвестно, чего было больше: любви, нежности, взаимного желания принести радость или же боль сопернику. Именно соперниками мы стали в этой жаркой схватке, наши тела трепетно скользили друг о друга, высекая молнии, энергетические дуги, волосы ее сбились в огромную выющую копну... Как со стороны я слышал свои хрипы, ее всхлипывания, стоны, и ко всему еще – треск и хруст дивана, который добавлял дикой радости и веселости в действо, что мы сотворяли... Мы послали к черту бабушку Дусю, которая жила за стеной и уже громко и сердито стучала, а мы, хрипло задыхаясь, хохотали. Старуха забыла силу любви, может, ее и не было. Мы не стали жалеть старушку, оставив это лишнее чувство на потом, мы опять сплелись как змеи, скользкие и очень гибкие; наши тела блестели в свете уличного фонаря, как волны прибоя под желтой луной.

Потом, разгоряченные, мы выскочили на балкон и стали курить одну сигарету на двоих, пока не околели от холода. Баба Дуся не тревожила, наверное, заснула, а может, слегка умерла, на время, чтоб утром с недовольством воскреснуть и на всю оставшуюся жизнь научить нас крепкой морали.

Утром Мария сбежала. Я только успел крикнуть вслед:

– Ты надолго?

– Не знаю, – бросила она на ходу.

Меня устраивал любой вариант.

Мне хотелось уединения и еще по одной немаловажной причине: на меня охотились бандиты наркобизнеса. Они вынесли мне приговор за то, что в прибрежных водах Таиланда я уничтожил несколько контейнеров с кокаином. Это, смею заверить, была славная работенка – ковыряться пришлось на глубине тридцати метров. Я не смог документально подтвердить

свой подвиг, но сыщики Главного управления по незаконному обороту наркотиков все равно были мне благодарны за то, что я посвятил их в некоторые секреты контрабанды и распространения тайландского кокаина. За что и выписали мне денежную премию. По мне дважды стреляли, второй раз пуля зацепила руку. И дело не в том, что киллер был непрофессиональным. Просто каждый раз чутье подсказывало мне об опасности, и я успевал заметить наведенный ствол. Но такая «игра» стоила мне изматывающего напряжения и в конце концов все равно бы закончилась не в мою пользу. Многомудрые сыщики советовали испариться, уехать в другой город. Да и меня тянуло скрыться в какой-нибудь заброшенной вологодской деревушке с заросшим прудом, болотистым леском и пьяными мужиками в кепках у сельмага. Там бы или спился, или женился, отбив кралю у какого-нибудь гармониста. «Мы, конечно, можем выделить тебе охрану», – говорили сыскари и тут же добавляли, что она, по опыту жизни, а вернее, смерти наших богачей, не спасала. Но был и другой, кардинальный способ сохранить шкуру от посягательств: изменить ее, то есть внешность. Неделю я размышлял, сменил в очередной раз жилплощадь, а когда вновь увидел у подъезда знакомую серую личность с заинтересованным взглядом, решился. Меня заверили, что операция эта отлаженная, предусмотренная специальной инструкцией и не будет стоить для меня ни копейки. Если, конечно, не считать потерю привычного лица. Все же как-то сдружился с ним. И хоть оно и не особо красивое, но родное, черт побери.

Я согласился. В выборе: жизнь или лицо – я остановился на втором. Не стану утомительно описывать операцию, тем более она длилась целый месяц. Сначала мне ломали нос, потом что-то делали с губами, потом что-то добавляли под кожу, запрещая все это время глядеть на себя в зеркало. Имелось в виду отражение в той же чашке воды. Зеркал не было: они самые жестокие вруны. И если хотите всмотреться в него и познать себя, лучше сначала плесните на его поверхность кипящее масло...

Последний этап был самым тяжелым. Помню, когда очнулся, меня тошнило, лицо было забинтовано. Но еще больше меня затошнило, когда я увидел свое новое отражение, правда, скрытое пока бинтами. Менять не стали только глаза. Бинты снимали постепенно, я познакомился с новым носом, удлиненным, с горбинкой. На лбу мне разгладили (спасибо!) все морщинки, полнее стали губы. Потом я выкрасил в гугуче-черный цвет волосы и стал вполне усредненным итальянцем: этакий Марчелло Чезарини. Или, на худой конец, Бульбек Баландиев. А может, Зосирманович. Заодно я сменил и фамилию на простенького Кузнецова. Кстати, самая распространенная в мире фамилия. Такая фамилия была и у моего друга Кузнецова, командира взвода, который погиб в Афгане. Имя я оставил прежнее – Владимир, чтобы окончательно не опаскудиться, вроде Ивана, не помнящего родства.

И пусть лопнут мои враги!

Каждое утро я вздрагивал, видя отражение в зеркале. Можете себе представить ужас, когда вместо привычного отражения на вас пялится незнакомая физиономия, к тому же импульсивно перекошенная от страха! Все реже и реже я видел свою бывшую физиономию во сне. В этих видениях я, совершенно чужой, почему-то каждый раз с новой рожей, злобно подсматривал за собой со стороны. Эти раздвоения заканчивались тяжелыми пробуждениями, я долго пил воду, потом засыпал, и вновь кошмары преследовали меня. Больше всего я боялся забыть свое прежнее лицо. Новое вызывало отвращение. Я часами сидел у зеркала и находил все больше черт «лица кавказской национальности», с некоторыми представителями из которых у меня были старые счеты. У меня изменился и характер: я стал раздражительным, подозрительным, мстительным и все время подумывал о кровной мести, хотя родственники мои были тут ни при чем. Моя мама умерла. Отца потерял еще в младенческом возрасте. И получалось, что мне, *новому*, от роду было сейчас не больше месяца, хоть родился уже с тридцатипятилетним багажом, большую часть которого не задумываясь выбросил бы на свалку.

Перед пластической операцией Мария снова напомнила о себе. Я никогда не спрашивал, чем она все это время занималась. Но, когда она передала мне записку от Паттайи на безукоризненном английском, я понял, что Мария вновь, несмотря на мой совет, якшается с наркодельцами, ездит в Таиланд. Иначе как могло попасть к ней это милое послание? Пат писала, что по-прежнему любит меня и отдала бы жизнь, чтобы хоть раз увидеть меня. Я никогда не подозревал, что у далекой малышки мой смутный образ может вызывать такую бурю чувств. Но она была на другом краю света, и только перелет в одну сторону стоил несколько сот долларов. Любовь – это самое дорогое удовольствие. Поэтому мне только и оставалось, что ностальгически помечтать о нежных поцелуях моей Паттайи.

Я стал очень одинок, когда похоронил маму. Последнее время она сильно болела, а я практически бросил ее в дальнем городе Владивостоке, приехал уже на похороны. Она просила, чтобы я оставил Москву и вернулся к ней. Но город-гигант уже намертво впустил в меня свои метастазы.

Теперь я не без сладострастия хоронил себя. Мне доставляло удовольствие слоняться по улицам, сознавая, что люди не знают моей тайны, что никто, кроме хирурга и ассистента, никогда не видел и не мог видеть мою непримечательную физиономию. Изменив внешность, я, конечно, потерял всех друзей и знакомых. Впрочем, лучших друзей я потерял раньше: одни погибли, другие меня предали. Временами на меня накатывало желание знакомиться со всеми встречаемыми: не мог же я оставаться в вакууме – как-никак существо биосоциальное. Но когда это делаешь специально, всегда выходит как нельзя хуже. Девушки от меня шарахались, а парни опасливо заталкивали поглубже свои грязные кошельки, а некоторые подозревали во мне педераста.

Я потихоньку тратил свои сбережения и уже подумывал о том, чтобы устроиться на какую-нибудь работу. В одно из таких бесцельных скитаний я вышел к огромному дому на Красной Пресне, тому самому, который под завязку набит всякими редакциями. Но продолжить опыты в журналистике мне не хотелось. Особенно после того, как при взрыве в редакции погиб мой друг Владимир Сидоренко. Я был косвенно виновен в его смерти – ведь «взорвали» Володю мои материалы о чеченской нефти.

Вскоре мне в голову пришла веселенькая идея: дать некрологи о смерти некоего Раевского В.И. Я составил два варианта: краткий и расширенный. «Боевые друзья и товарищи с глубоким прискорбием сообщают о скоропостижной смерти старшего лейтенанта запаса, бывшего капитана налоговой полиции РАЕВСКОГО Владимира Ивановича и выражают соболезнование родным и близким покойного. Группа товарищей». Этот краткий текст вызвал у меня скупую мужскую слезу. Все же столько лет прожито вместе! Я поместил сообщение в двух газетах; его обещали опубликовать на задворках последней полосы. Потом за узким редакционным столиком я принялся за расширенный вариант. Назвал его скупой, но выразительно: «Памяти товарища». Здесь уж я развернулся вовсю. «Как всегда, смерть выбирает лучших... После тяжелой непродолжительной болезни скончался старший лейтенант запаса Раевский Владимир Иванович. Он начал офицерскую службу в Афганистане, прошел многие „горячие точки“ бывшего Советского Союза. Затем продолжил службу на другом, не менее ответственном участке – в налоговой полиции. Мы помним его как талантливого журналиста, автора смелых репортажей, пронзительных статей на злобу дня. Раевский В.И. награжден многими орденами и медалями. Светлая память о Владимире Ивановиче, бойце, журналисте, навсегда останется в наших сердцах. Спи спокойно, дорогой товарищ!» Я подписал эту бодягу Независимой ассоциацией воинов-интернационалистов, которую сам и придумал. После чего всерьез расплакался. В редакции меня стали утешать, но я сказал, что эта утрата невосполнима. С меня взяли по минимуму и даже согласились опубликовать мой бывший портрет... После чего я сбежал за водкой и вместе с чуткими журналистами выпил за упокой души раба божьего Владимира. Знали бы они, какой нелепой бывает истина!

К концу недели три газеты поведали миру о кончине некоего тов. Раевского В.И., бывшего полицейского капитана. И, судя по отсутствию печатных соболезнований и траура, бранный мир не слишком-то и опечалился этой утратой. Я был шокирован этой потрясающей черствостью. Но не стал мстить. Теперь я не имел к покойному никакого отношения.

После этих мероприятий я поехал во Владивосток, продал квартиру матери, все вещи, оставив лишь семейный альбом с фотографиями. Свои портреты я частично сжег. Альбом переслал по почте школьному товарищу на хранение, присовокупив записку, в которой пояснил, что уезжаю надолго за границу... Слава богу, маме не довелось видеть новое обличье своего непутового сына.

Итак, концы обрублены. За квартиру и скудные вещи я получил двенадцать тысяч долларов и вновь отправился в столицу. На этот раз самолетом...

Что меня ждало, я не знал. Я был похож на безнадежного больного, который с упрямой обреченностью готовит свои похороны, хотя проскрипит еще очень долго. Однажды я проснулся под утро, и мысль, вялая, как последняя слеза покойника, посетила мою обновленную голову: «А не покончить ли счета с опостылевшей жизнью?» Жена от меня ушла, лишив и дочери. Она вышла замуж за бизнесмена – так сбылась ее мечта о счастье, и уехала с этим, обновленная, в город Киев. Что ж, благополучие вовсе не противопоказано для того, чтобы стать счастливым. Пусть же моей дочери более повезет, чем ее прожженному неудачнику-папе. Вспоминает ли она меня, называя папулей чужого дядю?

Я одинок, как петух в свинарнике.

Пусть же лопнут мои враги...

И наконец я понял. Зеленая долларовая скруточка лежала на столе. Они были безмолвны, но при виде их в моих ушах отчетливо зазвучала увертюра к опере под условным названием «Счастье». Конечно, я незамедлительно должен лететь в Таиланд к единственному человечку, который так ждет и любит меня. Я буду жить там, пока не кончатся деньги. Мы будем «zagoratt» и «kiratsuya»; я – в шикарных плавках, она – в черном трико, как и положено местным женщинам. Мы будем кататься на водном мотоцикле, лыжах, «колбасе», летать на прицепном парашюте, уплывать на коралловые острова, чтобы видеть и щупать настоящий океанский прилив и отлив, после которого все собаки и туристы ползают по песку, подбирая всякую шевелящуюся пакость. Я поеду к своей Пат.

С этой минуты жизнь вновь приобрела осмысленный характер. То есть во всем хаосе, творящемся в моей изуродованной голове, стали проблескивать упорядоченные мысли. С утра я помчался в туристическое агентство, где меня тут же выслушали и удовлетворили. «Ровно через две недели, – заверил меня господинчик с благополучными глазками, – вы будете вдыхать полный ароматов воздух Бангкока». Я хотел сказать этому гаденышу, что прекрасно представляю вонющу жуткого города-монстра, но не стал. Ведь вранье его было чисто функциональным, и он, конечно, не хотел огорчить меня.

Перед вылетом я позвонил Марии. После операции, разумеется, я не искал с нею встреч. Услышав ее голос, запоздало подумал о том, что она могла прочитать в газете написанный мной некролог – феноменальная шутка из области самообслуживания. Но голос ее был ровным и спокойным.

– Куда ты пропал? – надменно спросила она, давая своим тоном понять, что в наших отношениях последнее слово за ней, и право на окончательный разрыв – тоже.

– Ездил в отпуск, – ответил я.

– Не ври, ты нигде не работаешь, – сразу обрубил ее, и мне стало не очень приятно от такой осведомленности.

– Ты мне не сказала, где встретила Паттайю.

– В центре одноименного города. Она торговала какой-то блестящей дребеденью. Сейчас не вспомнить... А ты собрался, я вижу, к своей узкоглазке? Смотри не подхвати от нее СПИД.

– Ты стала очень циничной, – заметил я. – Впрочем, ты всегда была такой. Я намекал на ее боевое прошлое в бандгруппе Шамиля.

Она пропустила это мимо ушей.

– И когда же улетаешь к своей черномазой шлюхе?

– А ты когда к своим черным бандюгам в Чечню? – в тон ответил я.

– Я с ними порвала...

– Вылетаю восемнадцатого января, – ответил я, на всякий случай соврав.

Мой рейс был семнадцатого.

– Встретимся? – задумчиво предложила она; голосок ее уже сочился ядовитым медом.

Разумеется, это было невозможно.

По звонку из МВД России мне без проволочек сделали новый загранпаспорт, и теперь уже ничто не удерживало меня от путешествия. Все десять часов перелета я культурно пил виски со льдом, рядом горланили немцы. Они успели надраться еще до полета. Тише всех вели себя наши жлобы с цепями на бычьих шеях. По роду своей деятельности они презирали дешевых понтыриков. Они благоговейно ждали время, когда смогут оттянуться на несколько штук баксов. И чтоб никакая падла не помешала этому процессу!

Мы летели навстречу солнцу, и когда оно выплыло из-за туманного океана, я почувствовал обновление души и, похлопав в ладошки, возродился. Все мы – маленькие частицы космоса, и в суе коммунальных клеток не замечаем торжествующего блеска огромного, бесконечного мира.

Прямо с московского снежка я вывалился на жаркую мостовую бангкокского аэропорта. Пахло пряной баней. Здравствуй, страна Обезьяния, край бананов, падающих на голову кокосов, вялых крокодилов и толстожопых слонов!

Таиланд – страна, многослойная и многоуровневая, как китайская головоломка. Однажды я купил здесь забавный на первый взгляд сувенир – резной шар из слоновой кости, чуть крупнее теннисного. Внутри его находился еще один, тоже покрытый сложным орнаментом. И в нем тоже был шарик, поменьше, который, в свою очередь, содержал в себе уже совсем крошечный шарик. Чудо! Сравнивая с нашими раскладными матрешками, простыми, как деревенские бабы, сразу озадачиваешься: как эти шары попали внутрь друг друга? Как космос в миниатюре: существуют друг в друге автономно и самостоятельно, одновременно составляя единое целое.

Наиболее зримо эту многослойность Таиланда ощущаешь в Бангкоке. Понять это европейцу, с детства приученному «концентрироваться на чем-то одном», достаточно сложно. Даже усвоив кучу всевозможной информации, перелопатив справочники, не обладая развитым вниманием и наблюдательностью, оценить, охватить сразу все слои одновременно и воспринять их как самостоятельные невозможно. Неизбежно останешься на самом низшем – туристическом уровне познания...

В общем, турист Кузнецов для постижения Таиланда прибыл!

Заполучив в паспорт все печати, отметившись у таможенника, вышел к толпе встречающих. И вдруг, черт возьми, откуда он взялся, старый знакомый Лао?! Он держал газету «Правда» и, кажется, взглядом искал меня. Увидев, что я заметил его, он буквально впился в меня своими черными косыми глазками. Наверное, Мария пронюхала и сообщила ему, когда я в действительности прилетаю.

– Привет, Лао, – сказал я опрометчиво и протянул руку ему и его спутнику, узкоглазому, не глаза – остробритвенные прорези.

– Хай! Как прошел полет? – тоже по-английски ответил он мне.

И тут мне стало дурно. Что я делаю: ведь Лао никогда не видел моего нового обличья! Бог мой, за кого же он меня принимает? Но отступать было поздно, а бежать сломя голову – еще нелепей.

Я кивнул, мол, «very well».

А вдруг Мария обзавелась моим новым изображением и ухитрилась его передать по факсу, «электронке» или еще каким-нибудь подлым способом? Она обрыдалась над некрологом, а услышав мой голос по телефону, тут же раскусила мои хитрости, как подсолнуховое семечко. Как подсолнух! И порадовалась своей проницательности.

Мы сели в черный «Ниссан» и бесшумно поплыли по улицам. Под кондиционером голова соображала отменно и свежо, как после морозного рассола.

– Поедем в Паттайю или вы хотите немножко отдохнуть в Бангкоке? – учтиво спросил Лао.

Паттайя, сладкое имя привольного города у океана – и нежное имя моей девушки...

– В Паттайю, – сказал я, хоть и порядком устал от замкнутых пространств. Я прикрыл глаза, чтобы не докучали досужей болтовней, на которой, кстати, чаще всего и «сыплются» двуликие Янусы типа меня. Мое новое обезморщиненное лицо приняло покойный вид, а прежний мозг лихорадочно прикидывал варианты развития событий. Прежде всего надо выяснить, кто я такой и какого черта приперся на край света... Можно, конечно, спросить: «Пока летел, случайно забыл свое имя и вообще зачем сюда приехал. Не соблаговолите ли напомнить?» – «Вы, конечно, шутите?» – «Нет, какие могут быть шутки при прогрессирующем склерозе?» И пока они будут выходить из ступорного состояния, выпрыгнуть из машины...

Паттайя была все та же: прекрасна и чиста, как женщина на первом году счастливого замужества. Мы подъехали к особняку за массивным каменным забором, водитель взял пульт и, не выходя из машины, открыл ворота. Я с облегчением ступил на твердую землю. Слуга подхватил мою сумку, повел меня в номер. Я принял душ, мне тут же принесли обед: бульон, дюжину различных салатов, наперченно-сладковатое мясо, рис, соки и всевозможные фрукты. Даже сильно постаравшись, невозможно было все это перепробовать. На ананасе меня сморило, я рухнул на кровать и тут же безмятежно заснул. Сон – это ценнейшее богатство в жизни человека. Он дается бесплатно, и никакие деньги его не заменят. С этой бесспорной мыслью я и забылся. Приснилась мне Паттайя. Я гладил ее обнаженное тело и стонал от счастья. Проснувшись, увидел слугу. Он поспешно вытащил палец из носа. Интересно, сколько он стоял надо мной истуканом?

– Вы готовы к встрече, сэр? – учтиво спросил он.

Я кивнул. Слуга привел меня в темный зал, включил мягкий свет и вышел. Здесь росли деревья, в углу журчал фонтанчик, на стене одиноко висела картина: стилизованный океанский закат. За спиной сдержанно кашлянули. Вероятно, я был большой птицей. Лао и трое мужчин с ним появились неслышно, как коты на мартовской охоте. Я поручался со всеми; вежливые болванчики поклонились, промяукали свои имена: Мяу-няу-сяу-цзы. Мафиози хреновы... Внезапно я почувствовал себя Хлестаковым и, сев за стол, сразу потребовал карту. Как бывший офицер, я чувствовал себя увереннее, когда решение или видение проблемы можно наглядно отобразить. Тут же появилась карта – будто материализовалась из воздуха. Мне понравилась их туповатая дисциплина. Явно хорошо платят. В нашей нынешней армии такую карту полдня бы искали... А потом, найдя, старательно бы замарали слова «Секретно. Экз. единств.».

Почувствовав мой вопросительный взор, Лао немедленно приступил к докладу.

– Прежде всего мы хотели бы поблагодарить наших московских друзей и лично вашего босса за оперативное и высокопрофессиональное решение наших общих проблем.

Я благосклонно кивнул. Лао продолжил:

– Наши люди в полиции и Интерполе сообщили о тревожных тенденциях. Прежде всего – это координация на международном уровне и ужесточение контрольных и оперативно-поисковых действий полиции, таможни, контрразведки, особенно со стороны моря. В этих сложнейших условиях наши специалисты и аналитики, – он кивнул в сторону Мяу-няу, – разрабо-

тали новые способы и комплекс мероприятий по переброске грузов. Все это, как вы понимаете, приводит к естественному удорожанию нашего продукта, господин Бек...

(Тут я не без удовольствия и узнал свою кличку, но это не дало повода благодушно воспринять ущемление моих интересов.)

– Я что-то не понимаю вас, Лао, – резко отреагировал я. – Вы хотите набросить цену? Но об этом не может быть и речи... Перевозка продукта всегда была небезопасным и трудоемким процессом. И десять, и тридцать лет назад копы существовали и, как могли, противодействовали, ставили нам палки в колеса. Но наша колесница шла, мы подкупали их, отстреливали, черт побери... Я не понимаю, о каких необычных условиях может идти речь? Вы своей неразумной жадностью парализуете рынок, ваши поставки захлебнутся, и вы, вместо того чтобы получить свои причитающиеся, будете иметь страшные убытки...

Лао потемнел лицом. Возможно, я избрал не тот тон, что в присутствии «шестерок» особо нетерпимо. Но я ведь должен был показать, что сыны Кавказа таких дешевых наездов не терпят...

– Речь идет всего лишь о пяти-семи процентах... – холодно уточнил Лао.

– Ни одного! – жестко обрезал я и, смягчившись – этот неожиданный переход у меня всегда хорошо получался, – продолжил: – Вот карта, на которой можно показать маршрут. Уточните, как проходят караванные тропы, а я попрошу наших специалистов сделать соответствующие выкладки...

– Но... – заметил Лао, – я не могу вам, при всем уважении, раскрыть тонкости маршрута...

– Маленькое недоверие рождает большое, – напомнил я известный афоризм.

– Хорошо. Путь проходит по морю, затем груз перебрасывается на безлюдные острова, есть еще и воздушный вариант, и комбинированный. Затем через Афганистан, там все маршруты оглажены, ну а далее, соответственно, ваша зона ответственности... Вы не хотите переговорить со своим боссом по телефону?

Я уловил желтый огонек в глазах Лао – верный признак, что я уже стал его врагом.

– Нет. Он дал мне достаточные полномочия и просил сообщить, что в самом ближайшем будущем потребуются еще большие объемы поставок. Наши прибалтийские друзья прочно обосновались в Западной Европе, вытеснили всю шваль... – Я схватил ручку и стал рисовать огромные веселые стрелы. – В ближайшем будущем мы захватим все ключевые места рынка в Польше, а там и Германию пристегнем. Европа – это цивилизация, там умеют платить деньги, с полицией взаимовыгодный нейтралитет, никаких проблем, не то что у вас. Позорище! И кстати, качество вашего продукта не всегда устраивает. Грубая очистка, в Европе такое не проходит.

– Я впервые слышу, что вас не устраивает «кока», наш товар гораздо качественнее афганского, – неподдельно изумился Лао. – Мы можем прямо при вас устроить экспертизу любой партии на ваш выбор... – Он щелкнул пальцами и что-то промяукал. Один из тайцев вскочил и вышел. Хозяин продолжил: – Однако давайте определимся по количеству. Сколько килограммов порошка вы берете в первой партии?

– Двести пятьдесят! – ответил я.

– Вы шутите! – Глазки-шелки превратились в сливы. – По предварительным договоренностям было впятеро меньше. Мы физически не сможем!

Таец принес увесистый пакет с белым порошком. Лао надорвал край.

– Вот, можете убедиться, качество соответствует мировым стандартам! Можете взять и провести экспертизу... Но это уже опять-таки маленькое недоверие.

Я снисходительно кивнул.

– Малые партии товара нас не устраивают! Раз конъюнктура рынка требует, увеличьте производство, создайте новые места. Каждый год, только по официальным оценкам, в России прибавляется пятьдесят тысяч наркоманов. Учить, что ли, вас? Читайте Карла Маркса!

– Зачем Маркса? – изумился Лао. – Я не коммунист...

– Учение о воспроизводстве капитала, дядя! Пора у вас делать перестройку. Загнили совсем...

– У нас сложности... Полиция преследует, уничтожают плантации, управление по борьбе с наркотиками совсем озверело. Вы там, в России, совсем не понимаете наших условий.

– Что вы мне сказки рассказываете! У нас в одном месте война, а в другом – пир горой, взятки чиновникам официально даются, ворует и не морщимся, кто жадничает – тем сразу контрольные выстрелы в оба глаза... А вы тут распустились, ананасами зажрались...

– О, вы такой эмоциональный, – миролюбиво заметил Лао. – Скажите, как поживает наш общий знакомый господин Сальман?

– Убили его! – не задумываясь соврал я.

– О-о! – выразил печаль Лао, хотя ему, как и мне, до фени был этот Сальман. – Буквально два дня назад я разговаривал с ним по телефону.

– Это был его последний звонок. Как раз именно телефонный аппарат и заминировали. Киллер мог звонить с любого конца света: набираешь секретный код – направленный взрыв. Так и случилось – у него башку напрочь оторвало...

– Но я тут ни при чем, – поспешно заявил Лао.

Его подчиненные, пораженные до глубины души, молча слушали наш диалог.

– А господин Розовский?

– Выпал с двадцатого этажа неделю назад, – хладнокровно сообщил я. – Несчастный случай.

Лао на всякий случай перестал спрашивать о далеких российских друзьях, перешел к финансовой стороне.

– Как вы будете расплачиваться?

– По старой схеме, – непринужденно ответил я.

– То есть...

– Ну что вы притворяетесь, Лао. Товар – деньги – товар. Опять-таки Карл Маркс. Лао позеленел. Явно он был не в ладах с основами капитализма. Недоучка чертов.

Я решил-таки добить его:

– Чувствуется, вы не учились в Сорбонне...

– Мне нужна ясность и точность. Когда мы получим первую часть суммы?

– Утром стулья – вечером деньги.

Наконец Лао вышел из себя:

– При чем здесь стулья?

– А-а, это старая русская пословица...

Тут, на мое счастье, зазвонил телефон. Лао буркнул «сорри», схватил трубку. В течение всего разговора брови у него поднимались все выше и выше.

– Кто – Сальман?! Это вы, господин Сальман? Так вы, значит, живы?.. Как не встретили?! – прошептал он. – Он здесь, рядом...

Я схватил пакет, рванул его, сыпнул порошок в узкие глаза «компаньонов», пружинисто вскочил, одновременно резко подняв и опрокинув на собеседников огромный стол. Походя, разбил телефонный аппарат о голову Лао и выскочил во двор. Там мне пришлось оттолкнуть охранника, привлеченного криками, перемахнуть через забор. Сумку пришлось оставить, но все деньги и документы были при мне. Я неплохо знал эту часть города, поэтому сразу пошел петлять проулками, пугая девиц легкого поведения и жуиров из Европы.

Я кружил по красным улицам Паттайи, временами меня посещала полузабытая музыка «Led Zeppelin», доносящаяся из сияющего огнями кафе. Она навещала меня внезапно, будто из тумана, наваждением; они всегда были хитрецами, Робби Плант, который классически повизгивал, а его замечательный кореш Пэйдж в это время бегло шевелил пальцами по грифу. И мне это дико нравилось, несмотря на то, что я был очень далеко от России, тем более от Англии... Я вспомнил время, когда мы в красном уголке на улице Днестровской играли «Immigrant song», все проходящие мимо обыватели восклицали: какого черта так громко врубаются эта заезженная песня? Они не понимали, что это мы так классно лабали. Они не знали, что, когда поют «Led Zeppelin», спокойно дети спят.

* * *

Память не подвела меня. На полудохлом мотоцикле, за спиной пацана-лихача, за двадцать батов я отправился на темные окраины. Здесь не полыхало рекламное веселье, тянулись долгие невзрачные дома, и люди думали не об отдыхе, а лишь о деньгах. Водитель рискованно петлял на поворотах, торопился вернуться в центр, как раз наступало время заработка. Я попросил остановиться за пару сотен метров от дома, где жила Паттайя. Город остался внизу, на фоне темной ямы моря возвышались расцвеченные огнями шпили и башни отелей и кемпингов; центр полыхал, будто сыпанули мириады раскаленных угольков. А здесь задувал ветер.

Мне показалось, что за прошедший год ее дом еще больше обветшал, да и жила ли она здесь: ни огонька в окне, ни тени. Но чутье подсказало: здесь. Узнает ли она меня хотя бы по голосу? Если ждала и надеялась, то перемена внешности не самое важное для женщины, ведь беспричинно эти существа любят ушами. В отличие от мужчины, который любит всем сразу...

Я чувствовал себя маленьким и ничтожным в далеком краю под созвездием Южного Креста, на бедной окраине разгульного города с женским именем Паттайя... Бродячий прыщик, ползающий по маме-планете, микроскопический до пакости...

Я осторожно постучал. За дверью послышался шорох.

– Кто там? – спросила она по-тайски.

– Это я, Володя, – поспешно ответил я по-английски, на языке нашего общения.

Она слабо вскрикнула, над моей головой вспыхнула тусклая лампочка, дверь распахнулась.

– Паттайя! – начал я, стремясь как можно скорей объяснить, почему я – это уже не совсем я.

Но она отшатнулась, лицо ее исказил такой страх, как будто она увидела говорящий шлагбаум; такой я ее никогда не видел и не успел еще что-то ей сказать, как она проворно захлопнула дверь, жестко хрустнув замком. На два поворота.

Я снова стал стучать, призывая ее выслушать меня, умолял, объяснял, что сделал пластическую операцию. Но, видно, мой голос тоже изменился после того, как хирург основательно поработал с моим носом.

– Ты же писала мне письмо!

– Уходите прочь! – крикнула она испуганно из-за двери. – Иначе я вызову полицию.

Она еще назвала меня монстром и, кажется, колдуном. После этого мне только и оставалось, что убраться ко всем чертям. Единственный человек, которому я был нужен, захлопнул передо мной дверь. Изменив свое лицо, я убил прежнего Раевского. И фамилии не осталось. Я стал чужим для самого себя. Я стал никем. Так несправедливо никем...

Гадкая глухая ночь. Пешком я пошел к морю, спотыкаясь в темноте. Пустырь был долгим и черным, как моя жизнь. Наконец он закончился еще более долгим забором. Пока обошел его, мне показалось, что я добрел до конца света. Но все же вышел к морю. Оно шелестело, обли-

зывало пустынный песок, пыталось успокоить меня, несчастного. Одиночество – это абсолютное отсутствие проблем. Ведь проблемы создают люди.

Я разделся и вошел в воду. Она была теплой, как суп. Я неторопливо зашлепал по волнам, радуясь единственно приятным ощущениям. Ночное купание волнует и рождает эротическое чувство. Я плыл очень долго, берег поблек, и огоньки выстроились на нем едва заметными бусинками. Если б я утонул, моя жалкая смерть никого бы не взволновала и не опечалила. Утренний бродяга подобрал бы мои шмотки, вытащил доллары и выбросил подальше паспорт. А для меня смерть удачно решила бы все проблемы. Выплыл человек из жизни, и ни одна сволочь бы этого не заметила. Рыбы сожрали бы меня с удовольствием или отвращением, прежде чем я достиг бы дна. И всё. Из моря произошел, туда же и вернулся... Я плыл и, ругаясь вслух, распугивал рыб. Всему человечеству было глубоко наплевать на меня. И я, разозлившись, тоже плевался во все стороны.

– Идите все к чертям! Хотите, чтоб я сдох? Не дождетесь! Гаденыши!

Отшумев, я перевернулся брюхом вверх, подставив лицо свету звезд. В каждой стране – свое небо. В Афганистане звезды были такими яркими, что щипали глаза. А здесь они были сочными, как желтый плод ананаса. Они доброжелательно смотрели на меня и как бы подбадривали: «Все класс, Володька, не дрейфь! Все у тебя будет ништяк. Гребь к берегу!»

И я погрел. Все же порядочно отплыл, и теперь, когда я передумал топиться, пришлось поднапрячься. Я ругал себя за слюнтяйство и малодушие. Так за самобичеванием, отплеиваясь, добрался до берега. Но одежду свою не нашел, даже трусики. Я долго хохотал, оказываясь, в хваленном Таиланде тоже воруют, несмотря на легенды о всеобщей честности. Я был прекрасен и непревзойден, ведь только что родился из морской пены. Как я сразу не понял: истинно родившийся всегда совершенно голый! Осталось только громко крикнуть: «Люди, о примите же меня в сей мир! Полюбите меня, как я люблю всех вас!»

Конечно, море меня просто отнесло в сторону. И, пройдя по сырому песку, скоро увидел свои штанишки, рубашонку, трусики и кроссовки. Прибой слегка подмочил одежду, но, спасибо, не унес. Тут же на песке, свернувшись калачиком, я и заснул. Под утро мне приснился сон: большая толстая гусеница ползет по моему лицу. Я раскрыл очи и увидел огромный язык. Сама собака оказалась меньше. Сучка облизывала меня, видно, посчитав родственной душой. Хриплым междометием «эй» я прогнал ее и тут же побежал мыться. Выбравшись из негостеприимных окраин, я укрылся в неприметном кафе, где просидел несколько часов. Счастью п... ц. Надо было сваливать из Паттайи. Рано или поздно попадусь на глаза Лао или его бандитам.

Вечером устроился в ближайшем отеле. Мне было так грустно, что я решил позвонить Марии. Она очень удивилась, услышав мой голос.

– Я в Паттайе, – сообщил я.

– И как ты обо мне вспомнил? Что, оттягиваешься со вкусом? Встретил свою девку? – насмешливо спросила она.

– Не встретил.

– А меня встретишь? – вдруг спросила Мария.

– Тебя? – удивился я.

– Да, завтра я вылетаю в Бангкок. – И она назвала номер рейса. – Мне будет приятно увидеть твою загорелую физиономию.

Я мысленно усмехнулся: уже «загорел». До неузнаваемости. Поколебавшись, я дал согласие, хотя мне не очень хотелось раскрывать свою страшную тайну. Но вот дернул какой-то черт согласиться. Оставалось кусать язык. О том, что могу теперь не поехать в Бангкок, я даже и не подумал. Потому что всегда был чрезвычайно ответственным товарищем.

После ночи на песке я с наслаждением принял душ, выпил небольшую бутылочку виски, которую нашел в холодильнике, растянулся на свежих простынях. «Все же есть немало приятных вещей на свете!» – сказал самому себе и подмигнул новому отражению. Слегка пьяное,

оно даже понравилось мне, хоть и более глуповатое, чем предыдущее. Я высунул язык, полюбовался и им. Впрочем, язык был прежним. Уши, зубы, глаза – тоже. Не считая, разумеется, и всего того, что находилось ниже шеи.

Голова профессора Доуэля.

Рано утром я взял напрокат джип «Чероки» и поехал в Бангкок. Банановая страна построила отличные дороги, правда, по обе стороны была все та же грязь и нищета. Социальные контрасты... Проститутки и монахи, нувориши и нищие в язвах с вырванными языками. Развратные европейцы и бывший армейский старлей Раевский... «Чероки» в моих опытных руках несся, как реактивный снаряд. Я едва не врезался в стадо слонов, а тощая свинья, дико взвизгнувшая у колес, чуть не отправила меня на тот свет... Но мне не было жаль своей жизни. Она стоила гораздо меньше зеленых денег, торчащих во всех моих карманах.

Как-то незаметно я влетел в Бангкок. Эстакада вознесла меня над лачугами, приблизила к сияющим вершинам небоскребов – сверкающим голубым пальцам, проткнувшим небеса. Я припарковал машину и вошел в аэропорт. Холодный воздух заставил поежиться. На табло высветили Москву. Я заготовил листок и написал на нем «Мария». Ее фамилию, как всегда, забыл... Разумеется, не забыл, как выглядит девушка Маша. А я буду тем, кто есть, – Вовкой Кузнецовым. А Вован Раевский – это всего лишь телефонный миф. Вот так-то, Машенька. Рядом с такими же бумажками с именами стояли живоглазые служащие, в основном девушки, выискивали своих туристов.

Я сразу увидел ее в толпе пассажиров. Она была в мини-юбке и тонкой маечке, деловито катила перед собой тележку с сумкой. Когда она поравнялась со мной, я качнулся вперед, выставив свое объявление. Она прочла, и я тут же спросил измененным голосом:

– Простите, вы Мария?

– Да... – Она вскинула на меня пронзительные очи девушки-снайпера.

– Меня попросил Володя встретить вас...

Я подхватил ее сумку, показал, куда идти.

– А он почему не смог? – нарочито равнодушно спросила Маша.

– Он поехал в деревню за своей девушкой. Какая-то непонятная история: то ли она прячется, то ли ее прячут...

Мария хмыкнула. А я запоздало представился:

– Володя.

– Очень приятно. Раевский – ваш друг? Вы его чем-то напоминаете... И долго он будет искать свою папуаску?

– Я не знаю.

Мы сели в джип, я спросил, куда везти.

– Не знаю, – равнодушно ответила она и, пристально глянув на меня, сообщила с тонкой долей высокомерия (как всегда, загодя ставила барьер): – Нет, вы определенно похожи. Чем-то неуловимым. Правда, он с виду умнее.

Я не нашелся что ответить, тронул машину.

– Может, вы хотите провести этот день в Бангкоке?

– Мне как-то все равно... Отвезите меня, если не трудно, в «Ройял Ривер». Я там жила. – Она открыла сумочку, протянула мне карту города, показала место.

Неплохо!

Я не стал возвращаться к нашим общим воспоминаниям. Именно в этом отеле она устроила мне коварную засаду, где Шамиль и Серега-Удав всласть покуражились надо мной, пытаюсь узнать, где я припрятал компрометирующие документы на чеченскую знать и кремлевских взяточников. Они тогда накачали меня препаратом, чтобы сделать болтливей, чем я есть на самом деле. Но что-то у меня замкнуло, и они ничего от меня не добились. Потом они связали

меня и выбросили в великую тайскую реку Чао-Прайя. Гады... Я отчаянно барахтался, борясь за жизнь, – и выплыл... Потом ты, Мария, на коленях клялась: не знала, что Шамиль задумал меня уничтожить, что он обманул тебя... А я, дурило, поверил...

Времена меняются, люди остаются прежними?

– Но завтра к вечеру надо быть у Лао, – сказал обыденно я.

Мария выдержала паузу и спросила:

– Кто вы?

– Вас интересует моя кличка? Пожалуйста: Старик Хоттабыч...

– Не остроумно.

– Вы же знаете, в нашем деле не следует задавать лишних вопросов.

– Но хотя бы о Володе я могу спросить? Я позавчера с ним разговаривала, он мне звонил и обещал встретиться.

Я решил устроить небольшой психологический этюд. Под шум мотора, при кровавом пожаре рекламы, вспыхивающем на ветровом стекле, вдали от снегов такие эксперименты особенно пронзительны и впечатляющи.

– Вы вряд ли когда-нибудь его увидите! – гробовым голосом сообщил я, незаметно оценивая реакцию.

– Почему? – встревоженно спросила она.

– Потому что за все надо расплачиваться, – пояснил я. – Особенно за те контейнеры, которые он так опрометчиво уничтожил на дне морском...

– Что сделали с ним? Вы убили его? – неожиданно вскрикнула она.

– Я в детали не посвящен, – продолжал куражиться я, – но, кажется, он немножко умер. Причем без проблем для окружающих. Нравится мне эта страна. Море – лучшее кладбище... Какое облегчение для работы местных полицейских! А вам – особая благодарность за то, что вытащили его сюда. Признайтесь, это вы сами придумали этот трюк с письмом от его знакомой проститутки?

– Но мне же обещали, что его хотят применить в деле, что убивать не будут, – мертвенным голосом произнесла она.

– Вы наивная девочка, – изгалялся я. – Человек, предавший однажды, достоин быть лишь кормом для рыб. Конфуций, третий век до нашей эры. А как актуально!..

Она не отреагировала. И я тоже замолчал. До самого отеля никто не проронил ни слова. Мария плакала, жалея Раевского, а мне стало жалко ее, обманутую девчонку, которую эксплуатируют всякие подонки, а она чисто по-бабьи, наверное, в тайниках своей души мечтала завязать с этой нечистью и выйти замуж за балбеса Раевского, нарожать ему маленьких «райчат» и уже никогда не брать в руки оружие. Времена меняются – люди тоже...

Какое все-таки счастье, что она меня не узнала.

Мария оформилась в номере, я донес ее сумку, поставил за порогом.

– Мадам еще чего-нибудь желает? – спросил я развязно.

– Какие же вы все подонки! – В ее голосе была такая боль, что я действительно почувствовал себя негодяем за то, что изменил внешность и «убил» Раевского... У нее тряслись руки, и я уже пожалел, что вывалил такую «весть».

– Господин Розовский звонил и просил передать, что вас ожидают неплохие премиальные...

– Уходите, прошу вас. Благодарю за доставку. – Голос ее дрожал.

– А вы не сказали самого главного. Где деньги?

– Какие еще деньги?

– За товар!

– Меня не уполномочивали... У меня только командировочные.

– Ладно, – сказал я и, многозначительно глянув на нее, вышел.

В прошлую поездку мне так и не удалось разобраться, чем салон эротического массажа отличается от борделя. Если судить по финалу событий, завершавшихся предложением к соитию, – так ничем. Хотелось все же выяснить. Душа моя была неизлечимо больна, и путь к ее оздоровлению лежал через тело. И в этом были правы древние греки.

Возле первого же «Lady's Massage» я притормозил. И не ошибся: как ласково и радушно встретили меня узкоглазенькие дивы в кимоно! Крошечные брюнетки взяли меня под белые ручки и повели в бордовые чертоги. Как первоклашку в «храм знаний». Так наша чопорная классная учительница выражалась, подразумевая школу. Видела бы она меня сейчас в *этом* «храме», болезная! «Да-а, Раевский, – сказала бы эта моралистка, – вы превратились в разложившегося человека. Вы опозорили не только нашу школу, но и всю нашу Родину!» И рыдать мне в углу от стыда... В фойе меня встретила не жестокосердная ханжа, а радужная «мадам»; она с поклоном приняла от меня пятьдесят долларов, провела в полутемный зал, усадила на мягкий диван. На ярко освещенном подиуме сидели полтора десятка девушек. Они улыбались: одна веселее другой. Мне предстояло, не торопясь, выбрать любую из них – сорвать цветок удовольствия.

И вдруг я увидел Пат. Сомнений не было – это она, нелепое алое кимоно, волосы, стянутые в отливающий пучок, напмаженный рот, пустая клоунская улыбка. Пустячное настроение как смыло. Почему она вернулась в салон? Я вырвал ее из порочного клубка, дал деньги, уверовал, что облагодетельствовал. Но все вернулось, наивность моих грез обернулась возвращением в публичный ад. Или я что-то не понимаю в психологии женщины? А может, она шлюха по призванию, со специализацией массажистки? Ревность и досада. Похоть и грязь... Мне стало дурно. Я сидел в полумраке, и она не могла разглядеть моего мрачного лица. Мадам терпеливо ждала, с пониманием относясь к клиенту с разбежавшимися глазами. Привычно ждали и девушки – очередного из толпы похотливых, брюхастых, потных, жадных, незапоминающихся... Ждала и Пат. Но если взгляды девиц буквально сфокусировались на мне, то Пат глядела, не видя меня. Безадресная улыбка куклы на витрине. Ей было все равно. Я выбрал ее. Она легко спустилась с подиума – эшафота публичных женщин, и тут узнала меня – странного ночного визитера, пытавшегося выдать себя за ее далекого русского любовника. Она испугалась, поняв, что незнакомец настойчиво преследует ее, но отказаться не имела права. Потому что должна была безропотно ублажать бесконечную череду тел, мять дряблые мышцы, оживляя застывшие соки, разминать морщинистую кожу, отдаваться чужим, торопливым рукам и улыбаться, улыбаться, улыбаться...

Пат взяла меня за руку, повела по коридору. В номере восковая улыбка сменилась бледностью. Пат пыталась успокоиться, избегая глядеть мне в глаза; я чувствовал, как напряжена ее худенькая спина. Она усадила меня на кушетку, сняла с меня рубашку, штаны, став на колени, стянула носки. Все повторялось... Вдруг она вздрогнула, с беспокойством глянула на меня, тронула плечо. По самому краю у меня красовалась старая татуировка с афганской еще кампании: буква А на силуэте гор и автомат, скрещенный с ножом. Потом она торопливо стянула с меня остальное... Помнила, помнила, черт побери, мое тело среди тонн похотливой говядины. Она увидела то, что искала, – последнее, что осталось от меня прежнего, – родинку на бедре! Так же проворно Пат повернула мое тело, глянула на спину. Под лопаткой, тоже времен Афгана, пулевой шрам...

– Кто вы? – не скрывая ужаса, спросила она, отступив и запахнув халат на груди.

У меня дрогнул голос:

– Пат, это я, Володя...

– И тело твоё, и голос... – Она осторожно дотронулась до моей руки, – и руки твои... Я схожу с ума? Куда ты дел свою прошлую голову? (Она так и сказала: «last head»).

– Она сейчас в музее боевой славы.

– В каком музее? – она простодушно округлила глаза.

– Я сделал пластическую операцию. За мной охотились киллеры, мне посоветовали изменить лицо и фамилию...

– Как это ужасно! – искренне расстроилась она.

– Тебе противно мое новое лицо?

– Нет, что ты...

Она долго молчала, осваиваясь и еще не веря. Наконец выдавила, наверное, чтоб не обидеть:

– Что-то осталось твое, но оно уже другое, такое непривычное...

Я стоял голый, а она даже забыла раздеться, продолжая сумбурно говорить.

– Я сразу узнала твой голос, и вдруг другое лицо! Боже, как страшно... Почему ты не сказал сразу? Тебе пересадили голову? Я ничего не понимаю, я запуталась, зачем ты согласился на это?

– Я говорил, ты не хотела даже слушать!

– Ты неправильно говорил! – вдруг твердо произнесла Пат. – Кроме того, пришел поздно ночью... Я чуть не умерла от страха! Можешь представить: услышать твой голос – и увидеть чужого... А можешь доказать, что ты – это ты? – вдруг недоверчиво глянула Пат. – Вот скажи сейчас же, что ты пил перед тем, как мы впервые занимались любовью в твоём отеле?

– Виски с содовой. Ты у меня тогда еще стакан отобрала и потащила в душ...

– А какой это был отель?

– «Амбассадор», – устало ответил я.

Она тоже стала чужой. От былой наивности не осталось и следа, в каждом движении угадывался отработанный скучный профессионализм. А ведь тогда она была так по-детски невинна, даже несмотря на особенности профессии.

– Почему ты вернулась в салон? – с излишней жесткостью спросил я. Как будто имел какое-то право. Этаким черт-те откуда залетный моралите.

– Я не хочу говорить об этом... Ой, пошли! – спохватилась она и потащила меня в душевую.

Мы встали под жесткие струи. Ванна заполнилась в мгновение ока, мы опустились в теплую воду, она легла на меня, стала тереться, как большая рыбка. Я не знал, как Пат меня воспринимает, и без обиняков поинтересовался:

– Ты это со мной сейчас возишься, как именно со мной, старым знакомым, или очередным клиентом? А, забыл, ведь время регламентировано! У меня всего два часа. Потом придет другой трахальщик!

Она не обиделась.

– Ты считаешь, что тебе не нужен массаж? Ошибаешься!

Она заставила меня встать, подойти к запотевшему зеркалу, протерла несколькими взмахами, покачала головой:

– Смотри на себя! Тебя надо лечить, ты зеленый, как недозрелый банан, твой жизненный тонус понижен, тебе очень плохо, я вижу. Ты скоро умрешь. Но я не хочу этого.

– Делай что хочешь, тебе ведь надо отработать заплаченные клиентом деньги. Чтоб он был доволен.

Она отвернулась, закрыла лицо руками. Может, играла? Маленькая обнаженная шоколадка, упругая попка. Я вдруг испытал странное возбуждение, вернее, откровенное желание сделать ей больно, за то, что она унижена, что прислуживает в этом борделе с плоскороей мадам, за то, что разорвала и пустила по ветру мои грезы о чистой любви...

Вдруг раздался сочный звук. Это я шлепнул ее по попке, тут же схватил ее за худые плечи, повалил на пластиковый матрас, стал мять ее худенькое тело. Она смотрела на меня сквозь изумленные слезы или брызги душа и не сопротивлялась. Маленькая головка сообразила, не

нужен был половинчатый английский. Она только развязала тугой пучок волос, он рассыпался черной волной, я схватил ручку душа и пустил на нее тугую струю, тотчас ее волосы стали еще чернее, сочными пластами легли на плечи. Пат сначала молча воспринимала бешеные старания энтузиаста-массажиста, потом стала повизгивать и хохотать от щекотки. Я вылил на нее весь шампунь, она выскальзывала из-под меня, как килька из-под крокодила, в клубах пены было скользко, мы летали по гладкому кафелю, словно льдинки по сковородке. И от нас шел густой пар... Пат ловко вскочила на меня, я вынужден был подчиниться. Она так самозабвенно истязала меня, что я чуть не кричал от восторга: все перемешалось – жар плоти, жажда излить страсть, ощущение приближающегося счастья. И уходящая кашляющая смерть... Щелкайте зубами, проклятые мафиози!

Под нами лопнул матрас. После чего мы потребовали шампанского и пили в ванне, его пена смешивалась с мыльной... Не хотелось думать о будущем. Самое лучшее, что есть в жизни, – это остановившийся момент счастья. Если не верите, не мешайте верить другим. Как дети мы радовались теплой воде, плескались, обливаясь упругими струями. Когда вконец обессили, снова пили шампанское.

Пат крикнула хозяйке «привет», мы сели в джип и помчались по сверкающим трассам Паттайи. На безлюдном пляже мы снова отдавались воде, море казалось символом счастья. В течение всего этого времени, впрочем, времени не было, оно растворилось, мне в голову не пришло ни одной мысли. Даже глупой. Мы превратились в чувственных животных, смеялись и мычали от радости, восторга и любви.

Пат очнулась первой. Она сказала:

– Мы должны немедленно уехать отсюда. Этот город – деревня. Тебя обязательно поймают.

Я посмеивался и переваливался с живота на спину и наоборот. Меня забавлял ее серьезный тон, а шум волн умиротворял. Я расслабленно пообещал, что рано утром мы обязательно отправимся к ее бабушке Дринку на чудный островок Пхукет, который омывает Андаманское море.

Мы шли по набережной, горячий ветер высушивал наши волосы.

– Мне как-то не по себе, – вдруг призналась Пат. – Давай уедем прямо сейчас!

– Ну и куда мы поедем на ночь глядя?

– Ладно, только с самого-самого утра, хорошо?

Я пообещал проснуться первым. Нам оставалось поужинать и лечь пораньше спать, чтобы потом отправиться на экзотический остров Пхукет. Пат сказала, что мы будем жить в бамбуковой хижине под пальмами и питаться жареной рыбой...

Предчувствие мое не сработало. Я не заметил джип с открытым верхом и двумя негодяями на борту. Они, чуть притормозив, схватили Пат за волосы и руки и в мгновение, как мышонка, втянули в кузов. А меня треснули дубинкой по голове, искры посыпались из всех дыр, но я удержался, рванул за автомобилем. Мою девочку тут же накрыли попоной, как и не было... «Канальи!» – кричал я, а их узкие глаза становились еще более узкими от восторга. Один из негодяев что-то бросил на дорогу и помахал рукой. Глаза его превратились в рисочки. Джип взревел и тут же исчез. Я остался совершенно один на пустынной улице. Единственный продавец с тележкой растворился от страха в ближайшей подворотне. Наклонившись, я подобрал восьмигранную монетку с изображением тайландского короля Бхумиболо Адульадея. Со мной расплатились...

Вот теперь я точно не знал, куда идти... Какое-то время шел по инерции, ничего не сообщая. Луна и та надо мной смеялась. Я понимал, что нужно обратиться в полицию... Но что я мог сказать? Ведь, кроме имени Пат, более ничего не мог сообщить. Таких джипов сотни болтаются по Паттайе, а узкоглазые тайцы все на одно лицо; можно только представить, как

буду описывать приметы: глаза в щелочку, рожи загорелые, бандитские, громко смеющиеся. И еще монетку с местным королем показать, чтоб посочувствовали.

Рядом резко затормозила машина. Я отскочил в сторону, готовясь дать бой. Отворилась дверца, неторопливо вылез мой знакомый толстяк Лао. Луна заботливо облизнула его лысину. Когда-то я неплохо поводил его за нос... А вот теперь он мне отомстит, с чувством и расстановкой.

Хотя, опять забыл, что я – это совсем не я. Две большие разницы.

– Где Пат? – спросил я, стараясь сильно не нажимать на *его* глотку. Лао вырвался из моих рук, на помощь пришел верзилка. Я отскочил в сторону, злобно поблескивая очами. Другого оружия у меня не было.

– Твоя девчонка, – откашлявшись, удовлетворенно ответил Лао, – на катере недалеко от берега. Но получить ты ее не сможешь ни при каких обстоятельствах. У нее на шее надежный камень, и при первой угрозе она отправляется на дно... Кстати, долго кормить ее мы не собираемся... Ты понял, фаранг вшивый?

– Понял, азиатская вонючка. Чего ты хочешь?

Он мотнул головой, и я молча сел на заднее сиденье между двух качков. Они оба воняли какой-то гадостью, чем-то вроде старого матраса из спортзала. Я оценил уют и прохладу «Линкольна».

– Мы отпустим твою шлюшку, если честно ответишь на все вопросы. А ты ответишь, иначе и быть не может... У тебя открытое лицо, умный взгляд.

Лао повернулся, протянул ко мне свою детскую ладошку, потрогал мое литое плечо короля джиу-джитсу, карате и борьбы самбо – верного оружия пролетариата против буржуев. Он щупал, не скрывая сладострастия, только что слюни не пускал.

– Ты чего, пассивный? – спросил я.

Лао нехотя убрал руку, буркнув:

– Это к делу не относится...

– Да, это глубоко личное, – согласился я. Спортсмены угрюмо молчали. Если б не ситуация, в которую я вляпался по своей же глупости, я б их сейчас повалил по земле тайландской. Желторотики не представляли, с кем связались. Я – настоящая, без хвастовства, машина для убийства, отличная, хорошо слаженная. В моей программе заложены сведения о миллионе смертельных точек на теле любого млекопитающего, включая человека. Мой пояс по карате до такой степени черный, что один щенок, однажды попытавшийся до него дотронуться, месяц отмывался и еще полгода вставлял зубы...

До известной мне базы за бетонным забором ехали молча. Спортсмены держали свои неприятные руки на коленях, иногда дергаясь конвульсивно, они угрюмо сопели, как псы, готовые поднять рвотный лай. Лао что-то выковыривал зубочисткой изо рта. Этот китаец явно чувствовал себя патрицием.

– Если бы ты использовал зубочистки в качестве палочек для еды, ты не был бы таким жирным! – сделал я мимолетный комплимент.

Я хорохорился, понимая, что врагам не надо давать ни малейшего шанса. За ними сила, за мной инициатива. С этими рассуждениями я вылез из машины и в сопровождении битюгов направился к дому...

А потом. я очнулся в темном подвале. Над головой пробивалась полоска света – люк. Рядом нащупывалась лестница. Я пошевелил руками и ногами – кости были целыми. Болел череп – меня чем-то ушибли. Хорошо, что не попали в смертельную точку. Я прозевал удар, но не корил себя. Я ведь не стрекоза, у которой обзор чуть ли не 360 градусов. Кто-то из качков приложился, это их должностные обязанности – время от времени бить людей по башке. Из карманов моих выгребли всё – паспорт, деньги и всяческие бумажки и справочки, которыми мы основательно засоряем свою жизнь. Я был облегченным, как воздушный шарик. «Состяза-

ясь в надувании шариков, постарайтесь правильно понять задачу победителя», – это, кстати, о шариках.

Люк с веселым визгом открылся, и сверху гавкнуло:

– Вылазь!

Узкоглазый пан спортсмен раздувал щеки, готовый пресечь любые мои поползновения на свободу. Выбравшись наверх, я увидел еще троих – стандартно плосколицых. Видно, моя персона представляла особую опасность. И они ее не преувеличивали. Это было единственным приятным ощущением.

– Куда меня ведут? – поинтересовался я, когда получил толчок в спину.

На отвратительном английском мне посоветовали заткнуться. В холодном вестибюле заставили сесть в кресло. Спустя полчаса вышел секретарь – худосок в очках – и что-то сказал. Мои охранники, в отличие от меня, его сразу поняли и потянули меня в распахнувшиеся двери.

Я увидел Лао. Он еще больше раздулся от важности, кивал головой с укоризной китайского болванчика. Первая же произнесенная фраза показала его ничтожество.

– Скажи, каналья, кто ты? На фараона не похож, слишком вольно ведешь себя. На кого работаешь?

– Только на себя, – ответил я.

– Мы все работаем на себя. Но у каждого из нас есть хозяева.

– У меня нет хозяина.

– Зачем ты выдавал себя за другого, зачем пытался внедриться в нашу организацию?

И тут я отчетливо понял, что, если буду молчать и запираться, меня будут пытать страшными пытками, изуродуют, а потом выкинут акулам. И проблема человека без имени исчезнет в зубастой пасти. Но не мог же я сказать, что мои действия в аэропорту были чисто спонтанными, что я тот самый Volodya, который уничтожил целую партию кокаина и бесследно скрылся. Тут уж меня сразу бы кончили. И я стал вдохновенно сочинять, что представляю некое московское сообщество, которое активно вторгается в новые рынки наркобизнеса.

– Ты русский? – Лао сдвинул брови, а телохранители молча сомкнули ряды.

Я почувствовал мимолетную гордость за свою родину и решил не сдаваться.

– Ваш портрет мне показали перед отлетом и приказали выйти на контакты. Откуда я знал, что вы ждете *своего* человека? Вы так гостеприимно пригласили меня в машину, что я только потом понял, что вы приняли меня за другого. Но отступать уже было поздно. Такие вещи не прощаются. Мне пришлось играть, чтобы не выдать себя, а потом ничего не оставалось делать, как бежать...

Бесстрастно выслушав мои оправдания и не моргнув (гранитное спокойствие – высший шик у всех узкоглазых), Лао сказал:

– Я не верю ни одному твоему слову, мерзавец! Назови имена своих хозяев!

– Пожалуйста. Юра Крестник, Жора Дюбель. Мы из отколовшейся солнцевской группировки, – я назвал первые пришедшие в голову имена. Пусть проверяют...

К китайцу подошел секретарь и, почтительно склонившись, что-то негромко сказал. Лао кивнул. Худосок вышел, вместо него на пороге появился черноволосый мужчина кавказского типа.

– Wellcome, Shomma! – Лао пошел навстречу вошедшему.

А я чуть не упал со стула. Передо мной был живой и невредимый террорист Раззаев, которого я пристрелил и сбросил с яхты в гостеприимные воды Сиамского залива. Он мельком глянул на меня и, кажется, заметил мой мистический страх. Шамиль, Шома, мой бывший сержант по Афгану, с которым через годы судьба столкнула в Первомайском. Он прославился на весь мир, когда взял в заложники целое село, которое затем снесла с лица земли федеральная артиллерия. Раззаев ушел волчьими тропами с двумя десятками боевиков и заложниками... Я достал его в Таиланде и с чувством выполненного долга отправил на дно. У меня до сих пор

перед глазами его белая рубашка с сочащимися «розочками». Он не мог выжить. Но Шамиль, как вечно живое учение марксизма, стоял передо мной, гладко выскобленный, не в пример правоверным, в такой же белоснежной рубашке, голубых шортах, до колен прикрывающих кривые волосатые ноги. Трудно было узнать в нем озлобленного бородача с зеленой повязкой на лбу. Сейчас он источал благополучие, запах резкого одеколона и, как видно, успел стать хорошим другом господина Лао. А совсем недавно не было злей врагов. Бандиты мирятся быстрее, чем политики. Конечно, жизнь у них недолговечна, впрочем, как и дружба...

– Кто это? – спросил Шамиль, небрежно кивнув в мою сторону.

– Тот самый, из России, – ответил Лао. – Говорит, что из «Sun Mafia group».

– Брешет, пес, – припечатал мой бывший сержант, сверля меня глазами. – Солнцевские нас всегда поддерживают...

Только не хватало, чтобы он меня опознал.

– Ты не полицейский? – Шома взял меня за подбородок.

Я вырвался, руки у меня были сцеплены наручниками за спиной.

– Убери лапы, я тебе не девка.

– Так на кого ты работаешь? – не изменившись в лице, поинтересовался он.

Я снова назвал вымышленных Крестника и Дюбеля.

– Ни разу не слышал... – Он прищурился. – Где-то мы с тобой встречались.

И все-таки его выдавал нервный тик – последствие ранения... Живучим оказался, дьявол. Интересно, как бы он задержался, когда бы узнал, кто я на самом деле. Он пристально глядел на меня, вдруг резко задрал коротенький рукав моей футболки – обнажил татуировку: буква А в виде пика горы, нож, скрещенный с автоматом. Голова Шамиля дернулась еще заметней. Лао вопросительно глянул на нас.

– Откуда это у тебя? – резко спросил Раззаев.

– Так, – небрежно ответил я, – просто рисуночек. А – первая буква моего имени – Александр.

Шамиль резко рванул свой рукав, оголив синий рисунок. Те же горы с буквой А, нож, автомат. По одному трафарету. И накалывал знак и солдатам, и офицерам все тот же сержант Лешка Коблич, умерший в госпитале от ран через две недели после конца той войны.

– Это афганская наколка спецназа погранвойск, – по-русски сказал Раззаев.

Я молча пожал плечами, стараясь сохранять спокойствие. Голос мог выдать меня, волнение, знакомые командирские интонации... А Шома всегда был пронизательным, как дьявол. Я сам учил его наблюдательности в разведке, умению угадывать присутствие противника, и он был самым талантливым учеником.

– Сними майку! – приказал он. Но для этого надо было отстегнуть наручники, и тогда он сам задрал ее и увидел то, что искал: следы ранений на спине. – Это тоже просто рисуночек? – спросил Шома и, повернувшись к Лао, на английском добавил: – Он – ветеран Афгана. Я их с первого взгляда распознаю. Ну, парень, теперь ты не отвертись! Александр, говоришь? А по паспорту Владимир? Заврался...

Я как никогда был близок к разоблачению. Теперь оставалось надеяться только на то, что Раззаев прослышал про мою «скоропостижную кончину». Хотя и с новым обличем шансов на помилование практически нет. В наркобизнесе людей считают на деньги и дозы наркоты. Допросят и утопят. Жаль бедную девочку. Ее не пощадят. Возможно, мы пойдем ко дну одновременно, как комплексное решение одной небольшой проблемы.

– Так где ты служил? – снова по-русски спросил Шамиль.

Я молниеносно прикинул, что назову, как и было, термезский погранотряд. Только годы – не последние наши в афганской эпопее, а на два раньше.

– Спецназ термезского погранотряда. Восемьдесят пятый – восемьдесят седьмой годы, – тоже по-русски ответил я. Куда теперь деваться...

– Офицер?

– Сержант.

– Смотри-ка, однополчанина нашел...

– А ты где служил? – небрежно спросил я бывшего сержанта Раззаева. Знал бы я тогда, в Афгане, что судьба снова и снова, как в насмешку, будет переплетать наши пути...

Шамиль пристально посмотрел на меня, видно, пытаясь ухватить, нет, не ускользающее воспоминание, а призрачный облик из прошлого...

– Черт, как ты командира моего долбаного напоминаешь... Особенно голосом. Да и фигура та же. Вот и не верь в переселение душ. Хотя, когда ты говоришь, восемьдесят пятый – восемьдесят седьмой годы? – Он, колебавшись, все же ответил на вопрос: – В том же термезском отряде, представь себе. Только с восемьдесят седьмого по восемьдесят девятый. Осенний призыв.

– А у меня весенний, – заметил я. – Поэтому мы и не встретились. Командиром мотоманевренной группы Богданов был, так?

– Да, в самом начале, – вздохнув, подтвердил Шамиль. Взгляд у него затуманился, будто его ослепила белизна далеких афганских гор. – А потом, под конец войны, его замещал Раевский. Редкостный сукин сын...

«Сукин сын»! Конечно, я сдержался и не стал вспоминать, как Шамиль-Шома, демобилизуясь, называл меня старшим братом, клялся, что всю жизнь будет помнить ту засаду в Черном ущелье в Афгане, откуда я вывел, а кого и на своей спине выволок из окружения. Вытащил и его – на свою голову. Мало того, я научил его воевать. И судьба, великая насмешница, свела нас на чеченской войне, где мое обучение ему очень пригодилось. Зимой 1996 года он собрал отряд головорезов, с которым проник в Дагестан, прошелся вихрем по Кизляру, оставив десятки трупов гражданских и милиции, потом окопался в Первомайском. К тому времени я стал мирным журналистом по военным проблемам... Тогда, в Первомайском, у него хватило наглости предложить мне встать под зеленое знамя!

Конечно, я не ждал ностальгической благодарности. Но как он воскрес? Неужели Мария спасла тогда Шамиля? Очень любопытный факт из ее биографии.

Воспоминания Раззаева прервало появление еще одного моего знакомого – Вераксы. Я уже ничему не удивлялся. Джон давно и безуспешно охотился за мной, а сейчас молча зыркнул на меня. Желтые глаза волка-киллера профессионально ощупали мою шкуру. Он знал мою фигуру в подробностях, но она была для него неуловимой мишенью. Мой силуэт он мог узнать за тысячу метров без всяких биноклей... И вот теперь я так близок.

– Вот тот самый парень, – усмехнувшись, заметил Шамиль, – который обскакал тебя в аэропорту.

– Ах ты, тля рвотная! – Веракса судорожным движением схватил меня за горло и, как все уголовники, мгновенно впал в истерическое состояние. – Я кантуюсь там без понятий, одни косолазые, блин, куда податься? В Москву звоню, тут, говорю, полный марцефаль. А мне – все клево, кореш, ведь тебя давно уже на корм поставили!.. Чего нам понты крутишь, гадость?

Шамиль насилу оттащил Вераксу, а я покашлял и успокоился. Джон не опознал «любимый силуэт». Потом его выгнали, а Раззаев, глянув в мою сторону, заметил:

– Этот мокрушник прост, как приклад трехлинейки. Истеричка... В спецназе таких не держали. Верно? Все же ты классно его обошел. Откуда у тебя была информация о его прибытии? И почему тогда не убрали Вераксу? Напарник подвел?

– Я ничего не знал про этого, – я кивнул в сторону двери. – Мне нужно было выйти с вами на «стрелку» и обсудить вопросы расширения каналов поставок. А тут я понял, что меня приняли за своего. И тут же решил изменить план. Я, конечно, понимаю, что действовал опрометчиво. Но, как бывший спецназовец, ты должен меня понять. В этой собачьей жизни чего не сделаешь ради денег.

– Если ты будешь по-прежнему врать, – предупредил Шамиль, – мне придется отдать тебя в руки Джону. В последнее время, кстати, за ним наблюдаются садистские наклонности.

Сейчас будут вербовать, подумал я и вспомнил, как меня в этой же Паттайе этот же Лао, правда, еще не такой жирный, покойный Хонг и другие «товарищи» готовили к роли подводного боевика-наркокурьера... Подготовили на свою голову.

– Ты хочешь заработать? – спросил Шома. – Могу предложить...

Так и есть. Сейчас предложит дельце с расстрельной статьей.

После тех памятных событий, уже в Москве, я залез в Интернет поинтересоваться, как наказывают в Таиланде за наркоторговлю. И был неприятно удивлен. В 1995 году после восьмилетнего моратория у тайцев возобновили исполнение смертных приговоров. Казнили с той поры пятьдесят человек, большинство – за наркотики. Казнь экзотичная: расстреливают из пулемета. Люди из «Международной амнистии» накопили, что многие приговоры основаны на признаниях, полученных под пытками. Утешало, что местные тайские гуманисты упорно борются за введение смертельной инъекции... А что по мне – пулемет привычней.

В общем, в случае поимки мне светило стать пятьдесят первым. А не попадусь, провезу товар, так расстреляют мафиози, тот же гад Веракса, с превеликим удовольствием... Обленился народ на этой жаре. Ищут пришлых авантюристов. Может, так оно и дешевле?

...Раззаев пустил колечко дыма, струя из кондиционера подхватила его – и разомкнула. Все увлеченно проследили за метаморфозами этой тончайшей субстанции.

– Так и в жизни, – сказал Лао.

Но мы с Шамилем с трудом поняли его. Каждый из нас троих исповедовал свою религию. Объединяла нас вежливая ненависть.

– Ты умеешь прыгать с парашютом? – спросил Раззаев.

– Смотря куда.

– На землю. Это небольшой остров.

– Смотря какой остров, какие погодные условия... А так – приходилось.

– Ну а все остальное уже проще... – Шома повернулся к Лао, который сочился потом и обеспокоенно слушал непонятную для него русскую речь, сказал ему по-английски: – Он согласен.

Я хотел возразить, но Раззаев тут же резко пресек эту попытку:

– А у тебя нет выбора, Володя.

Так я согласился на очередную авантюру в своей нелепой жизни. Он пообещал, что я получу взамен десять тысяч долларов, которые были в моем жалком кошельке, паспорт и свою шлюху. Насчет Пат он сочувственно заметил:

– Парень, здесь миллион проституток. Я не понимаю, в чем подвох? Может, она блудливая внучка местного короля?

Я молчал, а Раззаев продолжал терроризировать меня гнусными вопросами. На то и террорист. Наконец он заткнулся, а Лао перешел к делу:

– Мы сбрасываем тебя с вертолета на небольшой островок. Ты приземляешься и по карте-схеме находишь спрятанный груз. Там же получаешь дальнейшие инструкции...

– Меня там будет ждать ваш человек? – уточнил я.

– Нет. Остров безлюдный. Инструкция будет вместе с грузом.

– А если я что-то не пойму? На каком языке будет там написано?

– Не перебивай! – повысил голос Лао, но получилось жалко и пискливо, как у взрослеющего щенка. – Там будут картинки. Как раз для идиотов.

– Все понятно. Муссоны в это время года дуют в сторону моря. Кто подстрахует меня, если меня ветром унесет в океан? Мне вовсе не улыбается перспектива быть сожранным акулами.

– Будет катер, который тебя подберет, – уже спокойней пояснил Лао.

– Может, я чего-то не понимаю, но почему меня в таком случае нельзя привезти на остров на катере?

– Если можно было бы, мы бы с тобой сейчас не разговаривали.

– Хорошо. – Я почувствовал знакомое томление, как перед боем на территории врага: вертолетный десант, глубинная разведка, захват пленных. – И какое же задание?

– Потом все узнаешь. Сейчас нужно принципиальное согласие. Нам важно, чтобы человек знал, на что идет, и сознавал, что это ему по силам, – распевно произнес Лао. – Ведь если по каким-то причинам ты не выполнишь задание, нам придется тебя ликвидировать. Слишком многое зависит от этой операции. Слишком многое поставлено на карту.

– А почему в таком случае вы прибегаете к услугам неизвестного человека?

Ответил Шамиль:

– Для меня достаточное удостоверение – твой знак на левом плече.

Я поинтересовался оплатой риска. Шамиль и Лао одновременно рассмеялись.

– Ты получишь самую дорогую награду – жизнь, а также возможность после успешной операции навсегда унести ноги из нашей прекрасной страны. Любопытство обошлось для тебя весьма дорого. Хотя, возможно, мы предложим еще что-нибудь. Разумеется, тут уже хорошо заплатим.

Не хватало мне еще других предложений. Я сказал, что согласен.

На следующий день меня стали готовить к прыжкам: выдали крепкие ботинки на толстой подошве и заставили прыгать в кучу крокодиловой дерьма с пятиметровой вышки. За мной наблюдали два вооруженных американскими винтовками дебила. Тайцы отчаянно корчили из себя могучих Рэмбо. Точнее, второй был Терминатором. В миниатюре. Постепенно куча утрамбовывалась, вонь расплзалась, и каждый прыжок все ошутимей отдавался в моем теле. Так прошел целый день. К вечеру у меня гудела голова и подкашивались ноги. Но тут пришел Лао, посмотрел, как я со свистом падаю с вышки, и сказал, что методика подготовки в корне неверна. На следующий день я прыгал с семиметровой вышки. Дерьмо было все то же. Хорошо, что Лао пришел к обеду. Он отругал дебилов и сказал, что имел в виду прыжки в бассейн. Остаток дня я рассекал лазоревые толщи бассейновой воды. К вечеру я освободился от запаха. На третий день мне показали парашют темно-синего цвета и спросили, знаю ли, что это такое. Я попросил развернуть и, когда тайцы разложили его на лужайке, гордо ответил, что это очень похоже на большую грязную наволочку. Охранники щедро заулыбались, а Лао нахмурился. Рэмбо с Терминатором тотчас подобрались.

– А-а, это парашют! – воскликнул я. – Не узнал. От этих прыжков у меня мозги сдвинулись.

– Ты хоть раз прыгал с этой штукой?

– Конечно, господин Лао!

– Я приведу к тебе настоящего инструктора. Эти идиоты ничего не смыслят.

Оба охранника напряженно следили за мимикой шефа. И едва он раздвигал губы, они тотчас реагировали резиновыми улыбками. Но Лао вовсе и не думал улыбаться, просто гримасничал.

Приехал по мою душу американец, но с лицом англичанина. Или наоборот. Что-то в нем было искусственное, и не только фарфоровые зубы взамен растерянных в боях. Да, это был профессионал. Пятидесятилетний джигит и ковбой одновременно. Бронзовый загар. Ветеран «Бури в пустыне». Крепкие скулы, взгляд, буквально затвердевающий на твоём лице. И даже имя стреляющее – Смит.

Да, еще и глаз один у него был не совсем настоящим, хотя внешне и похожим. Возможно, там был упакован миниатюрный лазерный прицел.

Он прогнал стрелков и, оттопырив губу, смерил меня взглядом.

– Русский? – спросил он меня на калифорнийском наречии.

– Американец? – спросил я, упорно налегая на нижегородский акцент.

Так мы и познакомились. Он показал мне отличительные особенности этого парашюта, систему строп и прочие премудрости, которые надо знать для управления в полете. Я горячо поблагодарил. Американцу понравился мой знак на плече, я пояснил, что это осталось от Афгана. А Смит показал на руке свою наколку: череп, парашют и два клинка. Парень воевал во Вьетнаме. Это нас сблизило. Правительства делают ошибки, а романтичные солдаты рисуют по телу на память боевые символы. Мы расстались друзьями. Он намекнул, что мы должны выпить виски.

Появился Лао, сказал, что пробных прыжков не будет. Я понял, что операция готовится в большой тайне, Лао не хочет выдавать своих замыслов.

– Когда? – спросил я.

– В любую минуту! – исчерпывающе ответил он.

То есть я был на положении рядового первого класса сил быстрого реагирования. Полчаса на сборы – и на другой край планеты защищать чьи-то жизненные интересы. Возможно, и американские. Иначе какого черта здесь делает Смит? Американцы, утащив после войны из здешних кабаков своих последних солдат-пьяниц, сделали мощное влияние в экономику. И хозяйничают где хотят. Если почетный ветеран Вьетнама тоже завязан в наркобизнесе, представляет штатовских мафиози, то вряд ли они уживутся под одной крышей с сыновьями Кавказа...

Прошло еще два дня. Меня хорошо кормили; сначала очень нравилось, но потом рисовое однообразие с вареными овощами и крохотульками-сосисками стало утомлять. А больше всего опротивели ананасы – жирные и приторные, как топленое масло. Прыгать больше не заставляли, но охрана постоянно паслась у меня за спиной или под навесом. Большую часть времени я сидел у бассейна. Через каждые полчаса – это было развлечением – я тихо подкрадывался и с грохотом шлепался в воду. Брызги летели на моих конвоиров, они сердились и, что-то курлыча, отходили на солнцепек. Но потом жара снова вынуждала их прятаться под навес, они осоловевали, я прыгал – и все повторялось сначала. Их маленькие глазенки сердились, а я дружелюбно ругал их матом по-английски. Их тупость не знала границ. Иногда я вспоминал про мою Пат. Господин Лао, чтоб его взорвало, отвечал, что с девушкой все в порядке и я получу ее тотчас, как выполню задание. Приходилось верить.

– Ты сможешь прыгнуть ночью? – спросил он сразу после моего вопроса о Пат.

Я хмуро ответил, что смогу. Он ничего более не сказал и ушел. Через полчаса он вернулся и принес шлем с насадкой и окулярами. Это был прибор ночного видения.

– Ты знаешь, как им пользоваться? – спросил он.

– Знаю. Они все однотипны, – небрежно ответил я.

– Покажи! – потребовал Лао.

– Не сейчас же, на свету! Полетят все фотоэлементы.

Шеф удовлетворенно кивнул, забрал шлем и снова скрылся в здании. А я, как усталый Ихтиандр, вновь нырнул в лазурную толщу воды, выпустил воздух, опустился на дно и долго лежал, пока моя охрана не забеспокоилась. Я видел их искаженные лица и мысленно хохотал, выпуская крошечные пузырьки. Они не знали, что я переключился на экономное расходование воздуха. Система йогов. Они резво бегали по периметру, опасаясь прыгать в бассейн, – это запрещалось им по инструкции. В конце концов один из них, отдав автомат товарищу, прямо в одежде рухнул на меня. Но я угрем выскользнул из-под его желтых лап и выплыл на поверхность. Я лишь слегка запыхался, а «Рэмбо» глубоко дышал, как мокрый загнанный петух, и готов был меня расстрелять. Но не было команды.

Тут пришел Лао – веселая толщина. Он с пристрастием отругал мокрого охранника, а когда тот попытался оправдаться, хозяин тут же отвесил ему дюжину оплеух по скуластым

щекам. Лао не поверил ни единому слову подчиненного. Он понял, что хитрому малому очень захотелось искупаться.

...Разбудили меня глубокой ночью. Лао держал в руках небольшой магнитофон, рядом стояли Шамиль и уродец Веракса с фонарем. Спросонья я испугался: фигуры были как приснопамятная «тройка», выписывающая рецепты на распыл. Лао щелкнул клавишей – и завывала резкая сирена.

– Я долго искал звуковое сопровождение, – учтиво сообщил китаец, – зная, что вам, десанникам, приятны бодрящие боевые сигналы. Еле нашел в фильме про советский спецназ.

Я поблагодарил и попросил выключить. Веракса по-прежнему светил мне прямо в глаза. Я выхватил фонарь и бросил его в стену. Терять мне было нечего, можно было и похамить.

– Ты готов? – спросил Лао невозмутимо.

– Да.

Мне сунули парашют, Шамиль протянул широкий нож в чехле – стропорез, Лао дал сумку.

– В ней инструкции.

– Какие?

– По запуску «мух».

– Можно пояснить нормально, если вы хотите, чтобы я ничего...

– «Мухи» – это воздушные шары, зонды. Ты найдешь их на острове и надуешь.

– Ртом?

– Задницей, – сказал Шамиль. Он уже основательно поднаторел в английском.

Не отреагировав, Лао продолжил:

– На карте-схеме крестом обозначена точка отсчета, там бугор с треугольным камнем. От него строго на север отсчитываешь девяносто шагов. Под булыжником – тайник. Там баллон со смесью гелия и водорода, зонды и, самое главное, контейнеры с грузом.

Я понял принцип. Они хотели, чтобы я запустил «мух» с грузом наркоты. И если я попадусь – в лучшем случае загремлю на каторгу до конца своих дней... Неплохая перспектива. Видно, район так усиленно прочесывается морской полицией, что они выбрали такой замысловатый способ переправки наркотиков.

– Там будет двенадцать контейнеров и четырнадцать зондов. Инструкция по заполнению зондов – в сумке. Обязательно привязывай страховочный конец к баллону – его не унесет. Как наполнишь газом, там есть перепускные клапана, подвязываешь груз – и в небо.

– И как вы будете ловить этих «мух», крючком или багром? – Меня стал разбирать смех. Несколько нервный...

– Мы будем их сбивать из пулемета. А потом вылавливать в море. Контейнеры не тонут. И произойдет все это очень далеко от берега.

– И получалось? – спросил я.

– Ты первый. Постарайся быть умницей и сделать все хорошо. Надеюсь, ты все понял?

– Не все. Как меня заберут с этого острова, когда я выполню задачу?

– О, элемент недоверия снижает эффективность нашего содружества, – изрек Лао.

– Можно я дам ему по зубам? – спросил Веракса по-русски.

– Давайте не будем ссориться! – поняв намерение, предложил Лао бархатным голосом. – Восточная мудрость говорит о том, что умный тот, кто вовремя вышел из драки. Но самый мудрый тот, кто наблюдал драку со стороны... Как хитрая обезьяна на дереве. За тобой, Volodya, придет катер. И ты получишь все то, что я тебе обещал.

Я потянулся к своим шортам, все это время был в одних трусах, и тут Лао протянул целлофановый пакет. Там были крепкие ботинки и черное трико. Я надел его, оно плотно облекло тело. Потом я надел сумку с парашютом, который накануне сам сложил заново, нацепил поясной ремень с ножом и сумкой.

– А где шлем с прибором ночного видения?

– Он тебе не понадобится. Ночь лунная, – пояснил Лао.

– Так, может быть, проще будет сесть на остров и посадить меня прямо на землю?

– Проще будет так, как я сказал, – подал голос Шамиль. Ему тоже хотелось руководить.

Я погрузился в микроавтобус, чувствуя, как земля торопливо убегает из-под меня. Кто кого предавал: она меня или я – землю? За городом я пересел в вертолет, который продолжил процесс «отрывания» от земли. Загребая лопастями, он со свистом утащил меня в черное небо.

На Афган это было не похоже. Лао сидел за моей спиной, потел от напряжения, поглаживал спрятанный под жилеткой пистолет. Он боялся, как бы я не отчубучил кое-что, к примеру, выкинул его в море. Красные огни Паттайи – эротический пожар разгульного города – вскоре исчезли. Внизу, под луной, мерцали волны – тонкая рябь, подвижные морщинки...

Через полчаса лету летчик ткнул меня в бок и показал вниз. Я ничего не разглядел; он развернул вертолет, и тут я увидел темное пятно острова, светящуюся кромку прибоя. Лао вытащил из-под себя магнитофон и включил клавишу. Сквозь рев я едва услышал, что толстяк включил сирену. Он протянул мне корявую ладонь и показал вниз.

– Приземлишься – сразу запускай! – прокричал он мне в ухо и повторил: – Запускай «мух»!

Получился каламбурчик: «Fly the flies!»

Летчик сделал еще один разворот, Лао гостеприимно открыл дверцу, и я боком вывалился наружу, успев дружески пожать руку Лао. Он с ужасом отдернул ее. Встречный поток сорвал мой смех, я дернул кольцо, выскочил вытяжной парашютик, потянул основной купол, меня привычно трянуло, вертолет улетел вверх, превратился в дребезжащую блоху. Земля стремительно летела на меня. Лавируя стропами, я старался приземлиться на береговую полосу. Это почти удалось, если не считать того, что парашют зацепился за пальму, которую сверху было не разглядеть – вроде грязного пятна. Я успешно повис. «Стрекоталка» улетела. Над головой угадывались гроздья кокосов. Я неожиданно оказался в роли старого бабуина, медленно покачивающегося на лиане, давно впавшего в маразм и отвергнутого обезьяньим племенем. Мне удалось дотянуться до ствола, обрезать стропы и спуститься по нему, как в лифте.

Радости моей не было предела. С этим чувством я за полчаса обошел остров, вернувшись к знакомой пальме с парашютом на ветвях. Меня предусмотрительно снабдили фонариком, и я без труда нашел треугольный камень, отсчитал девяносто шагов в глубь острова. Там оказалась мусорная свалка, наподобие тех, которые оставляют после себя влюбленные в природу туристы. С трудом сдвинув огромный ржавый лист, обнаружил под слоем песка черный баллон с газом, пластиковые упаковки с зондами и дюжину оранжевых контейнеров.

Не покидало чувство, что кто-то из-за пальм пристально глядит мне в спину. Я лихорадочно хватался за нож, но луч моего фонаря выхватывал лишь теплые стволы. Хорошо, не автоматные. Я вскрыл упаковки с шарами лимонно-желтого цвета и приступил к надуванию. Господа наркоделыцы делали по уму – все предусмотрели. Я, как мог, насадил «пипку» с ниппелем на краник, аккуратно пустил газ. Но шарик, надувшись, коварно выскользнул из моих рук и полетел, празднично украшая южное небо. Второй раз я оказался хитрее и, как учили, сразу подвязал желтопузого к баллону. Пузырь надулся, затрепетал, задрожал на теплом ветру; крепким шнуром я прикрепил к нему контейнер с грузом и отпустил ввысь. «Fly the fly!» – «Пускай „муху“!»

Я отправлял ввысь желтые шары и чуть не плакал от умиления: вспомнил детство, первомайскую демонстрацию, мою покойную маму, которая традиционно покупала мне в тот день мороженое, ну а главное, красный воздушный шар. Мы подходили к проворному дядечке, и он за небольшую плату, ловко орудуя вентилем черного баллона, надувал всем желающим резиновое счастье. Это был не простой, вяло-импотентный, а веселый, надутый газом шар, кото-

рый отчаянно рвался в небо. Потом в ногу я шел с кумачовыми демонстрантами и, как шар, тоже раздувался от гордости и с превосходством глядел на других детей, у которых шарики пассивно болтались на ветру, потому что их надули щекастые папы, а не железный баллон. Затем я отпускал шарик – ведь он так рвался и просился в небо. Мне было немножко жалко, я втайне ждал, что он вернется – влетит в открытую форточку нашей квартиры...

А теперь я стал гнусным пособником кокаиновой мафии и отправлял в небо страшную отраву – в обмен на свою жалкую жизнь. Да, именно свою – и Пат здесь совершенно ни при чем. Здесь, на загаженном острове, я могу честно в этом признаться. Даже заорать на все Южное полушарие: «Я очень хочу спасти свою жизнь!»

Последний шар вырвался из рук, ударив меня по носу подвязанным контейнером. Лучше бы я всю жизнь надувал детишкам шарики, причем делал бы это бесплатно. Дать ребенку маленькое счастье – что может быть лучше на свете?

Но я осчастливил кучку негодяев.

До рассвета бродил по острову. Он оказался вовсе не таким замусоренным. Ночные страхи ушли – вместе с ними и угрызения совести. Да и что я мог сделать? Раскурочить и утопить контейнеры? И получить мимолетное удовольствие, глядя, как воспримут эту новость Лао и его команда.

Солнце выплывало из-за океана и дарило мне, самому нищему человеку на свете, все цвета, которые существуют в мире. И чем выше оно поднималось, тем более богатым чувствовал я себя. За спиной тихо шелестели пальмы, ни одна тварь не тревожила моего слуха. Я стал Хозяином острова. Скинув одежду, совершенно нагим вошел в океан и ощутил себя первобытной амебой. Мне хотелось раствориться в теплой соленой воде, стать ее частью, одухотворенным разумом, волной, стремительным потоком. Я плыл все дальше от берега, ощущая объятия океана каждой клеткой своего обнаженного тела. Меня не тревожили мысли об акулах, которые в изобилии водились в этих водах. Я тоже был сильной и могучей рыбой... Через час или два меня все же потянуло обратно. Солнце припекало. У берега я несколько раз нырнул, и подводный мир открылся в своей причудливой фантазии. Рыбки-букашки в веселых стайках, хвостатые гордочки, полосатые морячки, толстые и тонкие, лупоглазые и хитрые, одиночки и парные, словно на подводном балу, кружились, сновали среди коралловых лесов, извилистых коридоров, буйных водорослей. Я бы остался на всю жизнь в этом подводном раю, но каждый раз что-то заставляло меня всплывать.

Выйдя на берег и прошлепав по молочному песку, вдруг понял, что я – Губернатор острова. Став важной птицей, я мог ходить и поплевывать во все стороны, быть свободным в выборе не только направления, но и всех своих поступков. Так воплотилась тайная мечта моего детства – попасть на необитаемый остров, где «училки» не утомляли своими ужасными алгеброгеометриями, физкультурочтениями, физикорисованиями, химикопениями, трудобиологиями, обществоведением... И лишь английский язык я не буду хулить – это язык, на котором мы общаемся с Пат. Негодяи должны выпустить ее и забрать меня отсюда. Я вовсе не хочу, чтобы мое положение было хуже губернаторского.

Я прошелся «колесом» по берегу, оставляя невиданные отпечатки руконогого животного. Одеваться не хотелось – хотелось кушать. Тут, как по заказу, начался отлив, постепенно обнажавший широкую золотистую отмель. Для смеху я стал на карачки и побежал разыскивать пищу. Так делали все тайландские собаки. Но у меня конкурентов не было, я быстро нашел несколько моллюсков, мелких креветок синего цвета, крабиков, трепыхавшихся мальков в лужицах и красноватые водоросли. Все это я складывал в свою майку. Потом, отойдя от берега, высыпал живность на камни. Аппетит при виде этой склизкой гадости никак не приходил, и наиболее ушлые обитатели, не ожидая финала, стали разбегаться. Причем точно в сторону моря. Я немедленно пресекал эти отчаянные попытки: сначала с легким недоумением, затем со скукой и потом – с раздражением. Надеюсь, что злость стимулирует мой аппетит.

Но он все не приходил. И тогда, издав звериный вопль и зажмурив глаза, я впился зубами в ближайшую креветку. Она хрустнула, безмолвно приняв смерть. Белое мясо повизгивало на зубах, как разваренная резина. Потом я сожрал краба, у которого, чтоб он не сбежал, сначала оторвал конечности. Все они, как сговорившись, воняли тиной...

На проклятом острове не было ни капли пресной воды. Я мечтал о скромной баночке пива, потом мои мечты упростились до глотка водопроводной воды. Под пальмами, куда я уполз, было не так жарко; небо плавило горизонт, воздух дрожал от зноя. Губернаторство пресытило меня. В голову полезли нехорошие мысли: меня обманули и подставили. Вернее, оставили. Как здорово придумали! Дешевая рабочая сила – в лице профессионала спецназовца! Они сэкономили кучу бабок, да еще мои присвоили. Но я не стал корить себя. Потому что это Судьба. Жизнь состоит из потерь. Жизнь – это бесконечная потеря. А смерть – это последнее и главное приобретение. Что из того, что кости мои сгниют на этом острове? Точнее, высохнут. Так не лучше ли помереть в пасти акулы? Аборигены считают эту зубатую гадину чуть ли не священной...

Экзотики захотелось...

Уж лучше утихнуть в кустах...

Я не помню, сколько пролежал в прострации под пальмой. Нет, я не подводил итоги, и жизнь не прокручивалась в моей голове как рваная кинолента. Неосознанно я понимал, что в жару лучше не дергаться. Иногда я вставал и без прежнего задора окунался в воду. Она не несла прохлады. Куски сырых тварей недовольно урчали в моем брюхе – они мстили. Снова приходили мысли о воде и других напитках... И я стал прикидывать, сколько бы сотен баксов отдал за стакан пива или бутылочку фанты... Получалось очень много.

Из дремы меня вывел далекий стрекочущий звук. Вертолет?

– Вертолет! Вертолет!!! – закричал я что есть силы, зная, что не услышат. Но все же...

Да, в синеве плыла маленькая пылинка – символ бойкой человеческой мысли и бесстрашия. А также моя спасительница. Все чувства подсказывали, что это за мной.

Нет, эти ребята не такие плохие, зря напраслину возводил. Может, они керосин искали! «Стрекозушка» пикировала прямо на мой остров. Я прыгал на берегу, как мяч под лапой трехметрового баскетболиста, прыгал, позабыв, что голый, что только что собирался помирить. Вертолет стремительно приближался – мощная верткая машина с прозрачной кабиной. Я уже видел пилотов – двух плюгашей в шлемофонах.

– Давай, давай, опускайся! – Я отчаянно махал руками, боясь спугнуть своим темпераментом.

Пулеметная очередь заглушила всё: сверкнувшее пламя, фонтанчики песка у ног, отрывающееся сердце... Это был ушат морозной воды, хлыст для невесты, удар в копчик, пельмень со стеклом... Они смеялись. Это вывело из ступора; петляя, как заяц, я бросился к пальмам, но редкие стволы и жалкие кроны – слабая надежда спастись. Не брянские леса... А вертолет, развернувшись и едва не задев вершины, пошел за мной по пятам; пули вспарывали землю слева и справа.

Развязка пришла быстро. Мелькнула нелепая мысль: «Тайский суд, самый справедливый, скоропалительный и неотвратимый в мире, вынес мне смертный приговор и направил по мою душу авиапалача с пулеметом».

Я бежал, сознавая, что все равно не уйду, и после новой очереди, сделав последних три шага, выгнулся и рухнул. Я видел, как умирают от пуль. Адская машина развернулась и снова пошла на меня. Я знал, вскочу – лишь за своей смертью. Кожа чувствовала горячие потоки лопастей. Хищная птица разглядывала меня, чтобы еще раз клонуть. Меня спасли тучи поднявшейся пыли. Злодеи еще раз выстрелили для острастки, двигатель загудел напористей, чух-чух-чух, ветер лопастей ослабел, вертолет завис и резко пошел вверх. Я лежал на брюхе, но видел его воочию. Вертолет вновь превратился в пылинку – беззаботную и нестрашную.

Я еще долго не мог подняться, тело отказалось служить, будто из него вытащили спинной мозг. А вернее, вытащили надежду... Без всякой ненависти я представил, как летчики, выйдя в упругую синь, с сухим щелчком открыли баночки с пепси и, неторопливо прикладываясь и смеясь, вспоминали, как, подобно джейрану, я прыгал, призывно махал конечностями, а потом так же резво удирал от пулеметных очередей.

Сильный удар в ягодицу привел меня в чувство. Это был кокосовый орех, подрубленный пулеметной очередью. Встряхнув увесистое ядро, услышал спасительный плеск. В моих жилах не текло кокосовое молоко: родился среди берез. И пил березовый сок. Я поднял брошенный нож, воткнул острие в один из трех «пупков» ореха. В два глотка выпил сладкую приторную жидкость и сразу почувствовал облегчение. Еще несколько орехов нашел на берегу. Песок и прибой очистили их от шерстяного покрова. Кто знает, сколько лет эти орехи шлифовали свои бока? Я вылавливал их и бросал на песок... Молоко в них горчило, я пил до тех пор, пока меня не вырвало. Если б был сезон дождей, я ловил бы влагу даже ушами... Возможно, научусь обходиться кокосовой патокой, возможно, научусь лазать на пальмы, как обезьяна, возможно, научусь питаться каракатицами, не успевшими удрать с отливом... Но для этого мне надо было родиться именно в этих благословенных краях.

Я лег плашмя, желая одного – чтобы ядро кокоса точно упало мне на темечко и вмиг сняло все предыдущие проблемы, будущих просто не было.

Я познал страдания распятых на кресте. Но Дева Мария не придет ко мне. Мария – мрия, по-украински «мечта». Маша, Машка, где ты сейчас, мартини со льдом смакуешь, томно глядя на прижимающегося к тебе негодяя... Все вы предали меня... Лучше б я тебя оставил подыхающей на мерзлом подворье Первомайского, когда ты истекала кровью, а рядом лежала твоя черная снайперская винтовка, за которую первый же собровец пристрелил бы тебя, не задумываясь. Ненависть тогда была прокурором...

Если не тратить силы, не паниковать, можно протянуть очень долго. В мое подплавленное зноем сознание это хорошо укладывалось. Ведь многие люди, оказавшись в такой ситуации, умирали не от голода, жажды, а от ужаса и безысходности. Это мой спецназовский ум хорошо понимал... Ум спецназовца – особый ум. Лучший! Он устроен наподобие обыкновенной дверной пружины – например, вы открываете дверь и пытаетесь войти, а она вас тут же отбрасывает назад. Чем сильнее – тем больше. И если у вас нет сил, то лучше и не соваться. А ежели сунетесь, то ум спецназовца и тут устроит вам массу неожиданностей с телесными повреждениями... Но вот парадокс: если бы я не был парнем-спецназовцем, то не подышал бы на этом острове. Если б я был простым парнем-лейтенантом, не спецназовцем, то меня, скорее всего, грохнули еще в Афганистане или позже, в других стреляющих местах. Как неподготовленного. А если бы я не родился, то не помирал бы.

Очередная волна спокойствия и умиротворения накатила на меня. Море по-прежнему катало легкую пену, песок шипел, истачивая песчинки.

Откуда-то на десерт приплыл гнилой ананас...

Так прошел день, и настала ночь. Я бродил под луной, купался в море. Как ночное животное, до утра не сомкнул глаз, ходил среди стволов, слушая, как ветра щекочит верхушки.

Мой остров имел вытянутую форму – что-то вроде толстого банана. Я его исходил вдоль и поперек, как и полагается рачительному Губернатору. Только помойку обходил стороной – она была эпицентром моих несчастий.

...В Афганистане я услышал историю о солдате, который чудом уцелел в кровавой бойне – духи расстреляли в ущелье роту. Пацана ранили в самом начале – и свои ребята спрятали его от пуль в расщелине скалы. Он уцелел – остальные погибли; раненых добили моджахеды. Солдат выбирался к своим две недели, практически без воды и пищи. И когда вышел на наши блокпосты, рыдал два часа. Я знал, что тоже смог бы выжить, смог бы ползти и месяц, и два. Но остров давал шанс идти только по кругу...

В Афганистане мы каждый день думали о смерти, и это давало нам ярость и силы для жизни. Но все равно многие из нас умирали, и тогда, как в детской игре в морской бой, мы надеялись на провидение, единственный шанс. Но жестокий рок беспощадно расставлял свои кресты, не оставляя надежды. Стоило ли выжить тогда, чтобы сейчас умереть непохороненным? Хотя похороны – это последняя озабоченность стариков. Молодым плевать на могильные темы. «Як умру, так поховайте мене у кишені, щоб деньга була, горілка, та дівчинка Женья» – вот такая пакость пришла мне в голову...

Из пальмовых листьев и тростника я сделал треуголку. Раньше я не замечал за собой таких способностей. Она мне так понравилась, что я уже не расставался с ней. Потом, сделав умственный рывок, сплел из лиан и пальмовых листьев набедренную повязку. Цивилизованную одежду я спрятал подальше от соленой воды и солнца – на случай визита делегаций на мой остров. Ведь я должен выглядеть подобающе своему сану!

День проходил в ожидании отлива, поедании склизких даров моря. Я, конечно, мог бы первобытным способом добыть огонь – палкой-крутилкой. Но было достаточно тепло, да к тому же пришлось бы сжигать в огне мои пальмы. А вот этого не хотелось. Достаточно было того, что я часами упражнялся в метании ножа – на всех стволах остались болезненные отметины. Я наловчился до пугающей виртуозности: за двадцать пять шагов попадал в десятисантиметровый круг.

В какой-то из дней меня посетила галлюцинация: к моему острову причалил катер. На нем было около двадцати женщин. В совершенно голом виде они высыпали на берег, а я стоял и смотрел. И только тогда, когда они окружили меня и стали кричать в ухо иностранные слова, кажется, на немецком, я понял, что это не бред и не кураж воспаленного сознания. Из их криков я понял, что я – Робинзон. Я смеялся вместе с ними, махал руками, прыгал в туземном танце, меня снимали на видео и фото. Потом со мной в обнимку снялись три голые дамы. Я держал нож в зубах. После чего попросил кушать. Меня поняли и дали жвачку. Они сердечно, чисто с женской добротой ободряли меня, хлопали по плечу. Двадцать дам! Одна из них, намазав передо мной свой лобок какой-то мазью, минут через пять сняла все волоски – оголила! Я был потрясен. Другая барышня все это снимала на видео. Так они куражились надо мной, хохотали без удержу, катаясь по песку и плескаясь в волнах. Потом компания так же весело погрузилась, и один-единственный мужчина среди них, капитан-таец, отчалил. Это было чудовищно. Я побежал вслед за дамами, они же отталкивали меня веслом и, шлепая себя по загорелым попкам, кричали: «Робинзон, Робинзон!»

Я в бешенстве потрясал кулаками и подпрыгивал на берегу.

Ночью я вспоминал все свои грехи. Привиделась хреновина: бегу по волнам, натыкаюсь на минное поле – и возвращаюсь обратно. Испытания и мучения не делают человека мудрее. Жара превращает его в тупое животное.

Я не обиделся на двадцать голых дам. Они искренне считали, что я – часть огромного красочного тайландского шоу. Мой лик, обросший и грязный, видно, был очень колоритен...

Вспомнилась вычитанная где-то история про московского бомжа, который, проникнув в чужую квартиру, заработал инфаркт миокарда. Он увидел с порога страшного звероподобного человека – и грохнулся в обморок. Сердобольная хозяйка, появившаяся вскоре в квартире, привела пришельца в чувство, дала ему воды. И вновь бомж едва не лишился чувств, увидя напротив себя все того же косматого монстра. А это было его отражение в большом зеркале...

И вот я тоже такой же прехорошенький. Жара превращает в животное. Жажда – это высыхание крови и смерть нервных клеток. Процесс цивилизации на Востоке проистекал ночью. Днем ищущая мысль застывала, как цемент. Астрономия, детище Востока, – ночная наука. Мешал ли Улугбеку его гарем в постижении звездных миров? Наверное, он вяло любил своих жен в липкий полдень... Ночь принадлежала только ему.

Я вспомнил всех женщин, которых знал и любил. Я их позабыл, как и они забыли меня...

Зря я хохотал и танцевал перед голыми немками ламбаду. Надо было ползать на коленях и умолять, чтобы меня спасли. Неужели на катере собрались одни лесбиянки-мужененавистницы?

Я бы стал монахом...

Но вряд ли кому в голову придет возвести здесь мужской монастырь.

И вместо молитвы-послушания – стать на колени и пить из прибора, целый океан влаги... Чтобы умереть... Потом запивать горечь кокосовым соком. И снова оцепеневать, подобно удаву на баобабе.

Двигаться – вредно. Движение – смерть.

Мария пришла ко мне в виде сладкой галлюцинации.

К этому времени я всерьез пристрастился к пальмовым листьям и коре какого-то корявого дерева, которое горбатилось у моего островного горизонта. Никакая сволочь не могла меня уличить в том, что я замышлял сделать на этой коре коньяк «веселых галлюцинаций». Но тем не менее в коре имелись галлюциногены. Это открытие временно продлило мою жизнь.

Что такое бесконечное ощущение нереальности? Ты видишь возникающие на горизонте паруса, быстроходные лайнеры, они появлялись – и исчезали, как будто их и не было. Время тоже исчезло. Я просчитал временные отрезки своей жизни и понял, что непременно должен был оказаться на этом острове. Я – Губернатор-неудачник. Монах-отшельник. В моей ситуации унять себя, свои терзания, уныние – уже особое наслаждение.

...Плоскодонный катер с шипением врезался в песок. Я наблюдал за ним уже минут пять, как только понял, что он явно двигался к острову. Я прислушивался к себе, радуясь и печалась новой галлюцинации. Тепловой удар, вернее, солнечная затрещина, плюс кора, которую жевал постоянно, – вот вам и радость искаженного бытия.

Потому я не удивился, когда на бережок спрыгнула галлюцинационная Мария. Я сидел, подпирая спиной пальму. Мне нравилось скоблить ногтями щетину – она производила неведомый для этих мест трескучий шорох. Этим я как раз и занимался.

– Ты похудела, – заметил я, когда она наклонилась. Смуглое от загара лицо, в расширенных глазах – ужас, жалость и черт знает какие еще эмоции.

– Вставай. Пошли в катер. – Голос без сантиментов. – Ты в состоянии?

Я медлил, усмехаясь. Это действительно была Мария. Сексуальные шортики, топик, сиси вразлет.

– Или ты, может, обзавелся здесь папуаской?

Она с сомнением посмотрела на мою треуголку, которая лежала рядом, и на юбочку из пальмовых листьев.

– Мне надо переодеться.

Парадное черное трико я прятал в кустах.

Она уселась на переднее кресло, я – позади. Протянула мне большую бутылку минеральной воды. Молчаливый тает выжал маленькой ступней педаль, двигатель взревел, катер резко повернул, так, что меня отбросило к борту. Ее спина напряглась, она ждала, когда я спрошу, куда меня везут. Я пил воду, а она не понимала, что мне все равно, кроме моей жажды. Чтобы понять это безразличие, не надо спать в чистой постели и питаться нормальной пищей, не надо чистить зубы, обдумывать планы на завтра, на месяц и неделю вперед, не надо наслаждаться морскими купаниями и солнечными ваннами на молочном песочке.

В конце концов я почувствовал, что мое наглое молчание стало ее раздражать. «Ну, спроси, спроси, отчего я все молчу!» Она действительно бросила на меня взгляд, но не раздраженный, не заинтересованный, а требовательно-собственнический. Как на раба, от которого ждут чего-то особенного – под стать цене, заплаченной за него. Тут катер врезался в волну, Марию обдало брызгами. На скорости нас бросало, как на самой распоганой российской дороге. Солнце сверлило макушку, ветер сдувал капли пота, чертов остров потух, расплавился,

канул за горизонтом, как намокшая коряга. И хоть я и истосковался по человеческому общению, продолжал хранить сугубое молчание. Для меня оно было не просто драгметаллическим, а хитрой уловкой. Женщина – существо более языкоподвешенное, и ей длительное молчание приносит гораздо больше мучений, чем среднестатистическому мужику.

Мария еще раз обернулась, ее лицо блестело, черные пряди сочились водой океана. Она встала, закинула длинную ногу за спинку сиденья, шортики затрещали под выпуклостями, катер подкинуло, я еле успел подхватить. Мария рухнула на меня – стало быть, заскучала. Эта незапланированная близость стоила многого: голова моя загудела, и все остальное тоже. Я не выпускал ее десять минут, она отбивалась, слегка встревожившись. Но потом затихла, как рыба в усыхающей луже. Она даже сказала, что ей нравится все шершавое – мои губы, борода с усами. И все остальное тоже. Она сообщила также, что от меня пахнет первобытным дикарем, а потом, отстранившись, спросила:

– Почему ты не спрашиваешь, куда я тебя везу?

– К китайцам-малайцам.

– И тебе все равно? Ведь они сделают тебе харакири. Ты этого хочешь? – произнесла она как бы заинтересованно.

– Я хочу, чтобы ты сделала мне икебану.

Это я произнес нарочно, потому что почувствовал себя ущемленным.

Я знал, что она ждала вопроса о моей Паттайе. Сделал ей приятное – не спрашивал.

Она гладила меня по щеке, целовала в самый краешек мочки уха и шептала милые непристойности. Вялая мысль советовала мне выбросить узкоглазого за борт, связать обрывками своего трико Марию и рвануть в самую дальнюю синюю даль...

Такого синего безбрежья, как здесь, рядом с пуповиной экватора, нет нигде в мире. Фиолетовые глубины моря, притягательная бездна, шкодливая волна, ударяющая в лицо, и разрывающее душу желанием плотью войти в океан, стать его частицей, волной, аквамариновой глубиной. Стать капитаном безбрежного корабля, уйти от мира, стать радостью, восторгом, счастьем для самого себя...

Но мы по-прежнему прыгали на волнах, как зайцы среди холмов, убегающие от призрачных охотников.

Она вытерла ладонью соленые капли на лбу, потом провела по моему лицу.

– А почему ты ничего не спрашиваешь о маленькой проститутке, которую отбил у Раевского?

– Какая же ты дрянь...

– Кажется, ты ожил...

– Ты бы лучше предложила мне колбасы.

– Вряд ли твой желудок справится. Я буду кормить тебя с ложечки банановым отваром. Чтобы ты случайно не загнулся. А через дня три ты получишь вожаденную сосиску.

Некоторое время мы молчали; отстранившись, я смотрел на горизонт, с трудом понимая курс. Тайский мужчина ориентировался по компасу, я, конечно, не смог бы довести наше суденышко, хотя бы потому, что меня выкинули с парашютом. Я, конечно, мог бы взять коротышку за ухо, точнее, за два, и, как лошадку, поворачивать то влево, то вправо, в зависимости от своего желания. А Мария бы только повизгивала, как и положено приличной барышне.

Может, она возвращала должок благодарности, помня, как я вытащил ее с того света в дагестанском селе?

Уф-ф, до чего может довести состояние одичания... Совсем забыл, что я не Раевский, что он давно «закопан»...

Но тогда во имя чего Мария провела спасательную операцию некоего Кузнецова – не подавалось никаким законам логики. Пылко возлюбила? Ни с того ни с сего... С легкостью

забыла вычеркнутого из жизни Вовку Раевского... Ах да, я чем-то неуловимо его напоминаю. Взгрустнулось девушке... Сволочь ты, Машка.

– Где Пат? – все же не выдержал я.

– Не знаю. Единственное, что могу сообщить точно, что она сдала тебя. А весь спектакль с ее похищением просто разыграли. Ты для нее никто, пришлый белый человек. Курортник!

У меня потемнело в глазах.

– Ты лжешь!

– Сам рассуди. Что оставалось несчастной проститутке, когда ее под жабры взяли мафиози. Они сделали ей предложение, от которого она не смогла отказаться. Говорю тебе: они «раскатали» тебя при ее непосредственном участии.

– Откуда ты знаешь?

– Шамиль проговорился, что девочка неплохо отработала. Я думаю, ее уже давно убили. Одной шлюхой больше, одной меньше... Самое странное в этой истории не то, что тебя подставили, а то, что ты уцелел.

– А ты не боишься, что я тебя вышвырну за борт, а потом эта мартышка за штурвалом по моей просьбе переедет тебя пару раз винтами? И не откажет ни в какой другой просьбе...

– Ты не сделаешь этого, потому что ты еще немножко любишь меня, Володька Раевский...

Выдержка у меня стопроцентная. У меня стреляли за ухом, я даже не шевелился. На моих глазах человек случайно коснулся высоковольтного провода – я сделал единственно правильное решение: ударом ноги в прыжке сбил его в сторону, хотя был промокший, как и все. Провод отлетел в одну сторону. Я – в другую. Потом откачал мужичка, хотя сам трясся от полученной электродозы...

Но тут мне стало не по себе. Мучительная пластическая операция, чужая фамилия, мрак вселенского одиночества – все это не стоило и селедкиного скелета. Девчонка разгадала. У нее всегда было потрясающее чутье...

– И не отпирайся, я тебя по запаху узнала, Володечка.

Я продолжал молчать, чтобы набрать сил для фальшивого изумления. По запаху – это слишком!

– Сдурела, что ли! – как можно веселей сказал я. – Раевского давно сожрали акулы. Его убили и утопили.

Хладнокровие возвращалось ко мне. И красноречие тоже.

– Это у тебя нервное. Ко мне тоже покойники приходили, особенно после афганской войны. Правда, исключительно по ночам. Потом, кстати, перестали. Так что, извини, я не мертвец.

Она смотрела в упор, смесь любопытства и жалости.

– Что сделали с твоим лицом? Ты не бойся, я не выдам тебя. Зачем мне лишний раз подставляться?

– А ты не боишься, если я действительно Раевский? Ведь я могу выкинуть тебя за борт, если я действительно твой Раевский?

– Володечка, ты никогда этого не сделаешь. Я тебя знаю. – Она нежно погладила меня по щеке.

– А если я не Раевский?

– То ты бы давно выкинул меня за борт.

– Но если я тебя не выкинул за борт, то это вовсе не значит, что я Раевский. Просто я не убиваю женщин. Это так просто...

– Я тебя узнала в первый же день. Как ты ни пыжился. Ты поменял голову, а ужимки, извини, остались прежними: твоя походка, как ты поворачиваешься, слегка прижимая локти, большой палец, который у тебя вечно по-пижонски торчит за ремнем... Ну и что ты этим

добился? – Она ухватила меня за бородку, покрутила голову из стороны в сторону, как кочан капусты, который рассматривают в торговом ряду. – Вид придурковатый. Губы стали толще. Захотел стать чувственнее?

Я молчал, тихо поражаясь ее наблюдательности и стараясь показать, будто забавляюсь всей этой чушью.

– А дурацкий некролог в газете: «После тяжелой непродолжительной болезни скончался...» – выдающийся плут и мерзавец! Так я и поверила, что такой жизнерадостный бугай внезапно решил скончаться.

Я молчал. Убийственные разоблачения не оставляли ни малейшего шанса. Я лишь механически пожимал плечами и, уныло дурачась, пускал пузыри. Она еще почему-то сравнила меня с Лениным, который тоже «живее всех живых».

Мы пристали к почти безлюдному берегу, несколько хижин вдаль были не в счет. Мария рассчиталась с тайцем, и он, выпустив из-под винта косую волну, порулил вдоль берега.

Мария трижды ошиблась, опрометчиво решив спасти меня. Во-первых, потому что меня уже пытались казнить на острове. Во-вторых, потому, что опознала меня. И в-третьих, она должна быть наказана за тяжкую клевету в адрес г-на Кузнецова, человека с вполне законной фамилией.

– Я должен убить тебя! – честно сказал я, не глядя девушке в глаза. Мне не то что было стыдно, просто я искал подходящее место и орудие убийства. Какой-нибудь булыжник или палку. И совсем забыл про свой нож-стропорез.

Она замерла, недоуменно уставившись на меня.

– Ты что – перегрелся? Глянь на этого героя! Я его, черт возьми, вытащила с этого острова, а он...

– Ты предашь меня, как всегда предавала, – упрямо продолжал я. – Откуда вы узнали, что я не окочурился? Те шлюхи растрезвонили, которые приезжали? «Робинзон, Робинзон!!!»

– Представь себе, что я случайно услышала в баре о каком-то придурке, который живет в одиночестве на острове. Типа Робинзона. Шамиль, слава богу, ничего не понял.

– Твоя вечная и неизбывная любовь?

– Ревнуешь?

– Мои глаза покрылись густыми слезами! И все равно я должен тебя убить.

– Ты не веришь? – вконец рассердилась Мария. – Мне даже удалось подсмотреть фотографию, когда я проходила мимо них в туалет. Девчонки снялись, совсем голые, с какой-то обросшей обезьяной в пальмовых листьях. И я узнала в этом животном тебя. У меня даже голова закружилась от счастья. Представляешь, я даже забыла, что пошла пописать.

– А твой Шома стал щелкать зубами...

– У меня хватило выдержки прикусить язык. А сколько сил стоило найти тебя! Я объездила на катере весь местный архипелаг. Шамиль преследовал меня на каждом шагу. Знаешь, как трудно избавиться от него! Однажды я сбежала от него через туалет. А потом придумала историю, что меня похитили, но я сумела убежать.

– И он тут же поверил твоей туалетной истории!

Во время перебранки я все время оглядывался, мне казалось, что вот-вот появится на горизонте никелированный джип. И меня дружески кончат на виду безмолвных хижин. Местным людишкам до лампочки местные разборки. Они обожают своего короля и озабочены лишь тем, чтобы ободрать нас, европейцев, как кожуру с банана.

– Пойдем покупаемся, – предложил я.

– Не пойду! – взвизгнула Мария.

– Ну, тогда иди пописай!

– Я боюсь тебя! Ты сумасшедший.

– Станешь тут сумасшедшим...

Я полез в воду. Мне хотелось охладить воспаленную голову – в катере я точно перегрелся. В голову лезли никчемные мысли: забыл на острове любимую губернаторскую треуголку... Счастье укатило тайским колобком...

От безвыходного положения – опять был без денег, приличной одежды и документов – закручинился. И если б меня смертельно прокусила акула, я вряд ли б увидел ужас в глазах скучавшей на берегу бессердечной бабенки.

Я загребал сытое море, кишашее рыбками и медузами. Акулы не попадались. Уснуть бы в теплой воде, чтобы проснуться к утру где-нибудь у берегов Ялты или Сочи – принесенным неведомым течением.

Она что-то кричала. Потом тоже полезла в воду. «Вот ты и попалась!» – подумал я удовлетворенно. И решительно поплыл навстречу. Лучшего случая и не представится. Банальное несчастье на водах. Она спасала его. И спасла – ценой собственной жизни. На берегу – кошелек с деньгами. Простенькие шортики с маечкой, которые я тут же напялю на себя.

Притормозив в кипучей волне, мы решительно сблизились, как два дельфина в брачный период. Она положила мне руки на плечи, я обнял ее за гибкую талию – и мы ушли под воду. Она прижалась к моим губам, требовательно и жадно. Это продолжалось долго и необычно, до тех пор, пока не пришлось вынырнуть к воздуху. Это была странная и возбуждающая игра, незаметно мы очутились на мелководье, наши ноги утопали в белесом песке среди стаек ловких рыб, волны покрывали наши плечи, берег был далеким и ненужным. Ее мокрые тяжелые локоны смешались с моей бородкой, ее руки, такие же требовательные и настойчивые, заставляли меня сделать это прямо в воде. Она освободилась от клочка материи, который зажала в руке, повисла на мне, обхватив крепко шею.

Она могла покорить кого угодно. Безумные глаза, стон и крики, жадность любви.

Слов нет. Какой-то пацан ковырялся на берегу. А может, это мне привиделось.

– Ты бы растопила все льды, если б мы делали это в Ледовитом океане.

– Только с тобой вместе...

Мы вышли, покачиваясь и держась за руки. Я потерял в океане свои плавки, как будто их и не было. Так мы и вышли обнаженными, как боги вечной любви. Обессиленные, мы рухнули на кромке прибою.

Тут мы и обнаружили, что нас обокрали. Я зарычал, как раненый лев. Даже на необитаемом острове не чувствовал себя таким обманутым. Мое драное трико было сейчас дороже самой роскошной одежды. Таковы условности. В распутном Таиланде степень распушенности не допускала нудизма на пляжах.

У Марии остались в ладонке крохотные плавочки, которые она умудрилась не потерять в воде. Я похвалил ее за развитое чувство ответственности.

– Какой ужас! – Мария закрыла руками грудь, хотя только что разгуливала без лифчика. – Что делать?

– Выкинь трусики из солидарности.

– Нет! Ты что?!

Она все воспринимала всерьез.

– Так... До вечера будем нырять и искать мои плавки. А потом ты закопаешь меня по горло в песок и отправишься нищенствовать.

– Я – никогда!

– Ты как Киса Воробьянинов... Тогда закопаем тебя, а я в твоих трусах пойду на заработки. Тем более мне не нужен лифчик. Снимай!

– И ты голой оставишь меня в яме? Идиот!

Я не обиделся, не успел, потому что приступ хохота свалил меня на землю. Я катался, отпечатываясь всеми конечностями в песок, смех душил меня, слезы лились потоками. Мария сидела, обхватив колени, и нервно хихикала.

Вдруг над нами возвысился коротышка. Он показался нам огромным, потому что мы ползали в песке, как черви. Он держал нашу одежду, а также сумку Маши. Я хотел набить ему лицо за такие шутки, но чувство радости было несравненно выше чувства злости. Человек отходчив, особенно после истерического смеха.

Я благоразумно поступил, не наказав подростка. А он благоразумно быстро объяснил нам, что наши вещи, пока мы предавались лучшему из лучших занятий, уволокло приливом. А он сумел их мужественно спасти, выстирать от соли и даже высушить утюгом. Действительно, наша одежда была тщательно отглажена, сложена и с поклоном преподнесена.

– Мария, дай ему десять батов, заодно проверь, на месте ли кошелек и вещи в твоей сумке.

Она так и сделала. Вещи были на месте, в Таиланде, как правило, не воруют. В Таиланде ловко дураят. И не упускают клиента.

– Что будем делать? – спросила Мария, еще плохо соображая после потрясения.

– Могу предложить еще раз искупнуться.

– Нетушки. Нахлебалась.

– Ладно, смертная казнь откладывается. Только никогда не называй меня мертвой фамилией Раевский. Это у тебя навязчивая идея. Она развилась на почве глубоких психических переживаний, связанных с потерей близкого человека. Тебе надо восстановить психофизиологическую пустоту, и ты ищешь мужчин, которые напоминают тебе утраченный объект. Недостаточные черты нивелируются по подобию утраченного идеала. Это чисто защитная функция организма.

– Ты стал болтлив. Но, извини, то, что у нас сейчас было в море, это все *твое*, это не подменишь. Это не скроешь. Женщину в *этом* никогда не обманешь. А ты глупый мальчишка, не понимаешь...

– Ха, а у нас с тобой до этого в море ни разу не было, – бухнул я простодушно.

– Вот ты и проговорился, – усмехнулась Мария, правда, без особой радости.

– У тебя деньги есть? Я не собираюсь альфонсить. Но сама понимаешь, у меня все забрали, меня ограбили твои лучшие друзья.

Она открыла сумку, вытрясла содержимое на песок. Кроме женских принадлежностей, там был кошелек. Сидя на бережку, пересчитали наличность. Было около семисот долларов и тысячи три местных батов. Она поинтересовалась, не голоден ли я. Конечно, я тут же сказал: «Нет-нет! Я сыт». Мы пошли в тайскую деревню, точнее, там было несколько хижин. Из ближайшей, отодвинув бамбуковый полог, вышел мужчина. Он был черен, как натуральный негроид. На его бесстрастном морщинистом лице угадывалось сильное желание заработать на нас. Мы знаками объяснили, что хотим кушать. На диком английском и помогая знаками он пригласил нас в хижину. Мы сели в плетеные кресла. Появилась женщина с маленьким, как печеное яблочко, личиком. Улыбнувшись, она принесла разрезанный ананас, несколько бутылочек пепси, арбуз.

– Они давно нас караулят, – тихо сказал я.

Моя интуиция работала исправно, как поршень: когда помогала, когда вредила, когда помогала, когда вредила...

Потом для нас стали жарить щупальца, присоски, жабры, хвосты, клешни, кишки, плавники, разнообразные желтые, красные, фиолетовые кусочки. Мы решительно стали отнекиваться от этих угощений. Мой желудок после длительного голодания и пищи из слизняков и ракушек не выдержал бы еще одного испытания. Мария тоже отказалась из чувства брезгливой солидарности.

– Це гідко! – сказала она по-украински.

Мы попросили бульон, обычных овощей и вина и пили до самого заката солнца. В этом же доме решили и переночевать. Нам постелили за фанерной перегородкой, на большом надув-

ном матрасе. Я перекрестился и заснул. Во сне мне привиделось, будто кто-то касался моих губ, но не в силах был проснуться и понять, действительно ли это поцелуй. Глухой ночью я таки проснулся. Мария спала, дыхания ее почти не было слышно. В открытое окно заглядывал квадратик звездного неба. Звезды были спокойными и величаво-торжественными. Ощущение покоя и счастья...

Утром я проснулся первым. Мария безмятежно спала, разметав на подушке волосы. Все женщины выглядят во сне моложе и прекрасней: не озабочены помыслами о первенстве, ничего не требуют, не раздражаются и не поучают и становятся беззащитными, трогательными и просто бесценными. Налюбовавшись, я пошел купаться.

На заре океан девственно прекрасен: все оттенки розового и голубого цветов на горизонте отражаются в волнах. Чтобы прикоснуться к волшебству, не нужны розовые очки... Я плыл в малиновой ряби. Ничего иного не хотелось.

Когда я вернулся, Мария уже проснулась. Она сидела на матрасе с сумкой в руках, вид у нее был встревоженный и недовольный.

– Ты где был? – спросила она подозрительно.

– Купался! – пожал я плечами.

– Предупреждать надо, – заметила она. – Проснулась – тебя нет...

– Ты была такой прекрасной, когда спала, и мне не хотелось тебя будить.

Она выдавила усмешку.

– Меня уже ищут, надо срочно ехать в Паттайю, – сказала она после паузы. Пауза нужна была, чтобы успокоиться. Мария нервничала и не хотела, чтобы я это заметил. Я молчал, ожидая решения своей судьбы. В драном черном трико я был жалок и смешон, как бродячий акробат с картины Пикассо. Но я не умел жонглировать даже двумя апельсинами. – Для твоей же безопасности ты должен пока остаться у этих команчей. Я появлюсь на базе, покажусь на глаза Лао и Шамилю, потом приеду за тобой, устрою в каком-нибудь недорогом отеле.

– А потом ты мне дашь свои старые черные колготки, я надену их на голову и, как ниндзя, глухой ночью проникну на вашу базу и зарежу всех ножиком...

– Чушь! Сейчас там очень сильная охрана, на каждом углу видеокамеры, лазерная система обнаружения по всему периметру... Я постараюсь узнать, где твой паспорт, ну а деньги достанем.

Мы вышли на шоссе, остановили проезжавший микроавтобус «Nissan», я посадил ее, коротко поцеловал в сухие губы.

– Никуда не исчезай, обязательно дождись, я приеду через день, от силы – через два.

Она сунула мне несколько местных бумажек – батов. И машина – фр-р-р! – уехала. А я остался в драном трико и с тремя тысячами батов в руке.

В целом мире не было человека счастливее меня.

Я вел образ жизни червя, спрятавшегося в яблоке. Ел, спал, прекрасно сознавая, что, как только деньги закончатся, мне придется вылезать на свет божий, где меня склюет первая же ворона. На поденную работу эти нищие меня не возьмут. Своих голодранцев хватает. Я же был экзотическим голодранцем, у которого водились деньги. Мои хозяева – старик со старухой – не удивлялись моему виду и образу жизни. Они привыкли, что у белых курортников свои причуды, и вежливо улыбались мне.

Мария не приехала и на второй, и на третий день. На четвертый я расплатился со старухой, надел парашютные ботинки и вышел на дорогу. У меня оставалось еще тысяча батов.

Я тормознул помятый тарантас и приказал везти меня в Паттайю. Дорогу я помнил – и через пару часов стоял перед бетонным забором базы моих врагов.

– Лао, выходи! – крикнул я и ударил ногой по металлическим воротам. Хорошо провоцировать скандал, когда знаешь, что это самое большее, на что способен в своем бессилии. Не мог же я идти в полицию и рассказывать, как меня обдурили. Самым интересным местом в

моей печальной истории, конечно, был бы запуск в небеса контейнеров с наркотиками. Полисмены оценили бы по достоинству. Потом самый быстрый и справедливый в мире суд – и расстрел из пулемета. Гуманно... стопроцентная гарантия.

Все видеокамеры на заборе и воротах развернули на меня свои пяточки. Наконец появился охранник – жилистый таец в кепке синего цвета и комбинезоне с надписью «security» на рукаве. Он презрительно посмотрел на меня из-под черных очков.

– Что тебе надо? – спросил он на английском.

– Я пришел к мистеру Лао.

– Кто ты?

– Он меня знает. Скажи – Володя.

Дверь захлопнулась. Я еще мог уйти, броситься в подворотню, выбраться на оставшиеся деньги в Бангкок, броситься в ноги клеркам российского посольства, они бы сделали запрос в МВД, через день или неделю пришло бы подтверждение, меня пустили бы на задворки посольской кухни и кормили из жалости остатками обедов. И я был бы счастлив, ощущая могущественную длань нашей державы. А может, послали бы подальше, присовокупив крепкий пинок под зад. Много вас тут шатается, прожигателей жизни! Нищие в коммуналках живут, а не по Таиландам шляются! И были бы правы.

...Но я не струсил, растоптал собственное малодушие и был вознагражден. Дверь вновь открылась, появилось уже двое. Второй показался мне знакомым, он охранял меня, когда я отрабатывал комплекс подготовки к десантированию в бассейне. Именно этот чукча нырял за мной в бассейн, когда я преспокойно улегся на дне, переключившись на экономный расход воздуха.

Они попытались взять меня под руки. Зазнавшиеся неучи...

Я тут же сделал им сдвоенную подсечку, и они слаженно рухнули на асфальт. Конечно, они владели многочисленными приемчиками, потому что вскочили, как мячики, – с желанием меня разорвать. Но тут из-за зеркальной двери вышел Лао и прокурлыкал: «Мяу-ня».

Бойцы застыли как перебздевшие новобранцы.

Его желтое лицо никогда не выражало чувств и желаний. Лунное лицо, без морщин, глаза – прорези стреляющих бойниц. Но сейчас его глазки маслянисто шурились: он был хозяином положения – двери захлопнулись. За моей спиной невесть откуда появились автоматчики. Маленькие «узики» в маленьких руках. Потребовали отдать нож. Пришлось подчиниться.

Лао был в белом кимоно, подпоясанном черным поясом. Видно, ему нравилась форма корифея карате. И все же... досада читалась в его глазах. Только долгая практика общения с азиатами дает способность по самым малейшим деталям определить чувственное состояние собеседника. У него могут дрогнуть брови, до каменной твердости сжаться рот, а самое главное – до густой черноты потемнеть глаза.

Я шагнул вслед за ним в стеклянную стену, которая тут же услужливо раздвинулась. Мы вошли в прохладный холл, который напоминал больше поднебесье купола цирка. Сверкающее полушарие люстры подавляло.

От переполнявшего восторга мне тут же захотелось выпить и закусить.

Лао бесстрашно шел впереди, осваиваясь с мыслью, что Volodya «живее всех живых». Он, разумеется, мог бы тут же дать команду своим автоматчикам, и они бы изрешетили меня. И ни один сосед не услышал бы звука плюющей стали. Потому что в Таиланде все с пониманием. Вот только одно Лао не мог уяснить – почему я такой живучий, сильно смелый, такой наглый и до сих пор не добытый. Он понимал, догадывался, что я мог прийти не один, что за его базой сейчас наблюдают из сотни точек, что я приманка, а он – рыба, которой подкинули огромный крючок с неведомой наживкой. Такая вот грубая и бездарная провокация!

Мы прошли в знакомые апартаменты, мне показалось, что здесь переклеили обои. Но потом понял, что все дело в освещении. В полдень меня в эти покои не приглашали. Эти стены имели особенность изменять окрас в зависимости от времени суток.

Меня попросили утопиться в кресле, что я с неохотой сделал. В этих обволакивающих креслах человек чувствовал себя как в подавляющем мягком плену. Видимо, навязчивый комфорт создан для того, чтобы подчинять человека.

Сам Лао сел на деревянный табурет, если можно было так назвать сооружение о четырех ногах, изрезанное вдоль и поперек национальными орнаментами и вязью. Неплохо сидеть на многовековой мудрости отцов и богов.

– Ну что, будешь дуньку валять? – спросил я без ангажементов.

– Какую дуньку? – хмуро поинтересовался Лао.

– Где ведомость, лимонное существо?

– Какая еще ведомость? – стал елозить телом Лао.

– Ведомость выплаты обещанного гонорара.

– Ах-х-х! – это он так душевно расхохотался.

Я не расист, но, когда вот так безобразно поганят одно из лучших качеств, дарованных человеку, – смех, меня очень и очень коробит.

Лучше русского человека никто не может так славно и безалаберно смеяться.

– Куда ты пропал? А мы уже собирались тебя оплакивать!

Он сделал печальное лицо.

Автоматчики стояли в дверях с бессмысленными, надменными рожами. Такими же изображались в фильмах эсэсовцы, стоящие у дверей своих группенфюреров. Они подсмотрели такую стойку: локотки назад. Правда, были в два раза мельче «нордических».

– Ты обещал мне вернуть паспорт, деньги. Ты обещал освободить Пат. Где она?

Лао вновь рассмеялся. Это ему удалось с большим трудом.

– Неужели ты не понял, чужеземец, что она давно работала на нас? Она проститутка, у нее нет морали; вы, русские, ищите философскую справедливость, пытаетесь самоочиститься, почистить других и всякая такая глупость... Мы заплатили ей, и она тут же согласилась сказать, где ты прячешься. Вспомни, когда она отлучалась. Она ходила звонить нам. А потом подыграла в «похищении». Никогда не верь проституткам, приятель. Они продаются тем, кто больше заплатит.

Лао затрясся от хохота, три его подбородка тоже веселились.

Я уже ничему не верил. Он подтвердил то, о чем говорила Мария. Проститутка – изначально существо обманутого доверия. Мир сделал ее шлюхой, и она ненавидит весь мир. Нет ничего хуже тайной проститутки или той, что покаялась и завязала с древней профессией. Это обещание не имеет ни цены, ни срока давности в обе стороны шкалы времени. Для меня в этой стране время стало изогнутым, кривым и замкнутым, как транспортёр на 360 градусов. В который раз я шел по одному и тому же кругу?

– Я предусмотрел вариант, – кивнул я в сторону «эсэсовцев», – если вы захотите меня уничтожить. Я направил письмо в российское посольство своему знакомому атташе. Там все расписано. Если со мной что-то случится и если я не буду через три дня на территории посольства, – продолжал блефовать я, – он направит мое заявление в полицию, я тоже его написал. Там все подробно, и про тебя, Лао, и про Шамяля, и про запуски «мух».

– И про Марию?

– И про нее тоже, – ответил я без запинки.

– А ведь она тебя спасла, – укоризненно заметил Лао, пристально глядя мне в лицо.

Я чуть не поперхнулся, но выдержал паузу.

– Меня спасли туристы.

– А Мария сказала, что это она тебя спасла. Мы ее можем позвать, и она подтвердит.

Она, как всегда, оказалась хитрее меня. Она вела свою игру, чтобы вырвать свой кусок в прибыли от наркобизнеса. А я был пешкой, солдатом, исполнителем чужой воли в этой кокаиновой войне. Я был нужен ей, поэтому она и спасла меня для своих целей. Все стало на свои места.

Я пожал плечами и попросил пригласить даму.

– Позже, – сказал Лао.

– Да-да, все очень логично, – после потрясения стал вслух размышлять я. – Вы посылаете вертолет, он расстреливает меня, как одноразового бойца, потом вам становится стыдно, вы посылаете похоронную команду во главе с Марией, чтобы предать меня земле – конечно, из чувства благодарности за выполненную работу. Как трогательно и сентиментально!

– Какой вертолет? – Лао вскинул свои выщипанные, как у гомосексуалиста, брови.

– Такая летающая «стрекоталка»! Из нее строчили из пулемета, а я улепетывал, как заяц. Наверное, сверху было очень смешно.

Лао ориентировался на ходу. Все же я прибыл без приглашения. Теперь он пришел в себя и стал забавляться. Он вдохновенно врал, что ничего не знал про вертолет, они послали за мной катер, но не нашли, посчитав, что я пропал без вести. А потом у них были проблемы с полицией...

Короче, он заврался, и я уже не верил ни одному его слову.

– Кстати, если ты обратишься в полицию, то за контейнеры с «кокой», которые ты запустил, получишь по суду, как ты знаешь, пулеметную очередь или, в лучшем случае, пожизненный срок. Но долго не проживешь, тебя убьют через неделю после приговора суда. У мафии длинные руки, не правда ли?

– Короче, давай деньги, документы, и мы расстаемся! Три дня – крайний срок, и полиция получит письмо, и ты уже никогда не сможешь использовать новый способ транспортировки кокаина. Стоит ли? – Я встал.

«Эсэсовцы» дернулись, направили на меня стволы.

Лао тоже поднялся, молча вышел. Он вернулся через несколько минут и прямо от дверей швырнул мне красную книжечку. Наверное, часть жизни он провел, метая бумеранги в джунглях. Паспорт приземлился точно у моих ног. Я поднял его и спрятал в карман.

– Деньги будут только завтра.

Он еще что-то сказал «эсэсовцам» и ушел в свои покои. А меня подтолкнули и повели по коридору в глубь здания, потом заперли в глухой комнате без окон. Здесь были кровать, холодильник, туалет, шумел невидимый кондиционер. В холодильнике было пиво, вода трех сортов, виски и желтые сосиски. Все это я съел в течение двух часов. А потом заснул, не снимая трико.

Я очнулся, почувствовав чьи-то ощупывающие взгляды.

– А, проснулся, собака! – дружелюбно сказал Веракса. Он стоял над моим изголовьем, будто собирался меня отпевать. – Смотрю на тебя и думаю, кого же ты мне напоминаешь...

Он наморщил лоб и отвернулся. Я ошутимо представил, как шевелились две его извилины, пытаясь совместить подзабытого покойника Раевского с безвестным бывшим спецназовцем по фамилии Кузнецов. Но на интуицию и эвристическое мышление он был не способен.

Тут появился еще один знакомец – Шамиль Раззаев собственной персоной, гладко выбритый. Это вот я был с виду как моджахед. С порога он сказал:

– За деньгами пришел? Ты или слишком хитрый, или слишком глупый. Значит, чукчи не добились тебя? Решил искать справедливости?

Выразив свои чувства, они повели меня в холл. Окна были черными – стояла ночь. Там уже сидели Лао и Мария. Она вскинула на меня печальные глаза, я заметил припудренный синяк и припухшие губы.

Спектакль продолжался.

– Привет, Мария, – сказал я.

– Идиот, – ответила она сквозь зубы.

Вот и пойми ее логику.

Мне указали на кресло. Лао, приняв председательствующий вид, начал:

– Господу богу было угодно, что наши дороги опять пересеклись. И если это предписано свыше, то от этого не уйти. Надо плыть по течению реки Жизнь.

«Еще расскажи про два основополагающих начала Ян—Инь», – подумал я. От таких напыщенных речей меня всегда тошнило, потом обязательно следовала какая-нибудь гадость. Так и случилось: Лао предложил мне продолжить сотрудничество с ними.

– Вы не успокойтесь, пока я не попаду за решетку или меня не сожрут акулы.

– Не стоит не доверять старым друзьям.

Его облезлая голова была похожа на идеальное яйцо. «Яйцо» прямо-таки светилось любовью ко мне.

– Ха, – отреагировал я. – Сколько раз вы меня обманывали!

– То, что ты до сих пор жив, – это уже большой показатель нашего доверия и повод для серьезного разговора, – изрек Лао.

Тут уж нечем было крыть. Уцелеть среди этих крокодилов – редкостная удача.

– И что же вы мне предложите на этот раз? Путешествие на воздушном шаре с загранпаспортом в зубах?

– Подробности потом. Ты достаточно многофункционален, поэтому у меня нет сомнений, что ты выполнишь и эту задачу. Работа очень интересная, как раз для тебя. Слегка приправлена риском, ведь ты не любишь преснятину? Рекомендую согласиться и обещаю хороший гонорар.

В моем кармане торчал мятый, грязный, со следами от воды загранпаспорт. Это ничего, что он был такой измученный и старенький. Он давал мне самое главное: возможность выбраться в Россию. И они на всякий случай проводили бы меня, посадили на самолет и помахали желтыми ладошками. Вдруг я действительно подготовил на них «бомбы»-компроматы?

– Хорошо, – сказал я. – Но я сначала хотел бы встретиться с Пат.

Мария демонстративно фыркнула.

– Зачем она тебе нужна? – усмехнувшись, спросил Лао.

– Она нужна мне всего лишь как проститутка.

– Ты можешь выбрать любую, мы оплатим тебе самую дорогую. Даже включим это в контракт. – Лао оживился, а присутствующие мужчины, включая «эсэсовцев», сдержанно рассмеялись.

– Мне нужна именно она, – настаивал я на своем.

– Но мы рассчитались с ней и не представляем, в каком борделе ее искать.

Лао соорудил такую физиономию, будто имел дело с подростком, который повредился умом от первого любовного опыта. Не хватало еще сентенций на темы морали.

Я сказал, что сам буду искать ее. Потом они долго пытались у меня выведать, собираюсь ли я расправиться с ней за измену, предупредили, что и за проститутку можно получить смертную казнь. В общем, пугали, то есть отговаривали. Вот это-то меня и настораживало.

А Марию я вообще не понимал. Она тихо сидела в дальнем темном углу, а потом я заметил, что кресло ее уже опустело. Она исчезла, будто превратилась в легкий дымок от кальяна. Кальян стоял на ковре, а трубку от него усиленно посасывал Веракса.

– Хорошо, – неожиданно быстро согласился Лао. Он вообще быстро все просчитывал. Главное – прибыль, которую он вновь собирался заработать на мне. – Хорошо, – повторил он, – но мы не можем дать тебе на это больше трех дней. И по некоторым причинам не можем помочь в поисках: проститутками я не занимаюсь. Скажу тебе честно: я не хочу, чтобы кто-

то сказал, что Лао вторгается в чужую сферу и его люди ищут какую-то публичную девку. Что скажут в обществе о моей репутации? И еще условие: ты должен отдать свой паспорт.

Ни минуты не задумываясь, я вытащил документ и швырнул. Паспорт раскрылся и, помаяхивая листками, красной птицей приземлился у ног Лао. Я все глубже засовывал голову в пасть этому чудовищу. Но уже не мог остановиться. Пат была единственным человеком на планете, которому я рассказал о чудовищной препарации моего лица. И она поверила и пожалела меня, несчастного, потерявшего лицо. А Мария, раскусив меня, поторопилась бросить. Мне не дадут обмолвиться с ней ни словом. И захочет ли она общаться со мной?

– Мне дадут аванс – хотя бы из отобранных у меня денег?

Получив три сотни долларов, я вышел на волю. Ночная жизнь продолжалась, навстречу попадались одурманенно-счастливые люди, кто пьян, кто просто весел; разноцветье рекламы, вывески «night-club», «lady's massage», «stripshow», искрящиеся гирлянды огоньков на деревьях под розовеющим небом. Светало...

Сутенеры с туманными лицами звали меня под крыши борделей; располневшие мамки демонстрировали живой товар. Раскрашенные девочки стоически сдерживали зевоту и улыбались кукольными улыбками. Все хотели меня совратить. Я кивал, пощипывая бородавку, спрашивал о девушке по имени Паттайя. Мне демонстрировали всех, мол, какая разница... Но ее не было.

В очередном «учреждении» меня попросили подождать. Я закемарил в уютном кресле. Меня нежно разбудила мамка. Рядом с ней стояло толстенькое создание лет шестнадцати; дева источала свежий запах шампуня. «Это – Патта!» – сказала хозяйка, ткнув пальцем в толстушку.

– Патта, да не та! – вскричал я.

Не мог же я стерпеть такой безобразной подмены!

Я бродил бесцельно у бесконечных торговых рядов с очками, бижутерией, часами, сувенирами и прочей малохудожественной дребеденью, среди которой преобладала культовая композиция из четырех слонов; все это, и в придачу весь Таиланд, мне предлагалось немедленно купить. Но мне нужна была всего лишь моя худая обезьяночка.

Потом я набрел на дешевую столовку на втором этаже. Кафельный пол и стены, металлических столики с пластиковыми столами ностальгически напомнили общепит. Я заказал у хозяина-китайца макароны с жареным яйцом и острый салат из местных овощей. Время до вечера коротал на берегу моря. Ветер шумел в пальмовых кронах, на двадцатиметровой высоте висели кокосы – маленькие ядра. Срываясь со свистом вниз, они методично пробивали черепа глупым, как куры, европейцам.

Вечером я снова бродил по горячим неоновым улицам города. Красный свет плясал на моем лице, временами на меня накатывали тугие мысли о полной бесцельности существования. Я продолжал порочное и тоскливое путешествие по публичным домам, саунам, массажным салонам, разыскивая среди сонма узкоглазых лиц лишь одно нужное. В голове крутились слова хитрого Лао (при минимуме общения человек наиболее подвержен навязчивым мыслям): «Мы оплатим тебе самую дорогую девушку... Даже включим это в контракт!»

Выбившись из сил, я делал перерыв, пил пиво и снова продолжал свой беспримерный поход по борделям...

На следующий день слух о странном европейце пошел гулять по улицам. Меня уже знали почти все проститутки города. Накрашенные обезьянки атаковали меня, то одна, то другая тащили за руку и, стуча себя пальцами в маленькие груди, говорили, что их звать Паттайя. Они искренне веселились, потому что были очень юны и, несмотря на препаскудную профессию, им хотелось играть и радоваться жизни.

Я позорно бежал с центральных улиц и, наняв мальчишку на «Хонде», колесил по окраинным заведениям.

Но было тщетно. Меня просили остаться, обещали неземной рай с красавицами, которые улыбались мне с публичного подиума, но я холодно отказывался от сомнительных, прямо скажем, удовольствий.

Потом я вновь уснул под шум прибоя. Утром меня разбудили мальчишки-мусорщики: они с грохотом выгребали из урн жестяные банки из-под напитков, собирали бумагу, упаковки и прочий мусор на пляже. Я поплелся к автобусной станции, купил билет до Бангкока и через несколько долгих часов был в столице. Нет, я не собирался обследовать все публичные заведения этого гиганта: на это мне бы не хватило и тройной старости. Я отправился туда, где впервые встретил Пат, однозначно решив, что поиски надо всегда начинать с начала.

Заведение сэра Артура Вилкинса не претерпело изменений, все та же стеклянная одноэтажка. Помнится, хозяин собирался затеять перестройку – добавить второй этаж, но, видно, чего-то не хватило: или спроса на проститутток, или денег на кирпичи.

Я осторожно приоткрыл дверь, почему-то мелькнула мысль, что мне могут здесь сделать засаду. Вилкинс сидел на своем обычном месте в стеклянной конторке, правда, весь вид его более соответствовал прежней фамилии Вилкин. Нестираная рыжая майка, облезшая до гадливости голова, сизый нос. В потянувшем сквозняке почувствовался привычный запах «Смирновской». На подиуме сидели пять с половиной девиц. Одна при моем появлении почему-то вышла, потом снова заглянула с зазывной тоской. Я даже не сумел разглядеть ее лица: маленькая хрупкая фигура в ярко-алом кимоно.

Пустующий зал показался мне еще более маленьким и убогим. Похоже, здесь редко мыли полы. При моем появлении Вилкин с натугой оживился, вперив красные очи, молвил:

– Какую даму желает джентльмен?

Как и прежде, они все были пронумерованы.

Он не узнал меня.

– Это я, Вилкин, забыл? – спросил я по-русски.

– А-а, – протянул он. – Оттянуться пришел. Рад видеть...

А я, как всегда, забыл, что, оставив прежнюю личину, поменял свое лицо. Кого же ты вспомнил, старина «сэр Артур Вилкинс», а скорее сделал вид, что узнал? Да мало ли здесь шляется русских плебеев, упорно торопящихся перетрахать то, что отцы недотражали...

– Кого хочешь?

– А чего такой слабый выбор?

– Времена... Конкурентов много, девочек переманивают, скоты узкоглазые!

– Зачем же так? – не без ехидства спросил я. – Ведь эти люди и эта земля приютили тебя, на телах этих девочек ты кормишься.

– Ты коммунист, что ли? Так иди, вали отсюда, мне делом заниматься надо!

– Я пошутил, Андрюха, просто давно не был здесь... Не обижайся.

– Ну, чего, бери чего-нибудь, и удачи тебе в любви! – мрачно посоветовал Вилкин. – Пятьдесят баксов.

– У тебя работала девушка по имени Пата. Мне нужна именно она.

– Спыхватился... Ее давно переманили. Да не ты ли ее и увел? – Он пристально вгляделся мне в глаза.

Вместо ответа я спросил:

– Нет ли у тебя чего-нибудь выпить? Я угощаю!

– Тебе сюда принести?... Ладно, пошли в мои покои...

Он дал знак одной из девушек, и она проворно заняла место в конторке. А мы прошли по узкому коридору в маленькую комнатку. Она была оклеена какими-то паршивыми обоями, в центре стоял стол, застеленный клеенкой, деревянные табуретки, у стены – замусоленный диван, на полу – простенький палас, в углу – старый отечественный транзисторный приемник «ВЭФ». Но еще более меня умилили пожелтевшие фотокарточки «Beatles», «Rolling Stones»,

«Bee Jees». Все это было приклеено к стене. На столе стояла фотография в поблекшей рамке: трое парнишек в расфуфыренной армейской форме – дембеля! Я огляделся, и у меня ностальгически закружилась голова; с щемящей нежностью оценил детали быта: граненые стаканы, стальные вилки и ножи с пролетарской символикой на ручках, сотня советских значков на развернутом знамени пионерской дружины какой-то средней школы, иконки со святыми.

Я выразил восхищение.

– Это еще ничего! – самодовольно ответил Welkinson – Вилкин. – Глянь, у меня под столом стоит настоящая катушечная «Комета» – первый отечественный стереомаг. И на полном ходу... Я здесь, браток, полностью воспроизвел мою коммунальную хату в Ленинграде. И, когда становится особенно тоскливо среди этой цивилизованной азиатчины, врубаю «Come together» битлов. Последний диск у них самый проникновенный. Да? Я, кстати, в Питере был одним из ведущих битников – бас-гитара. Слышал команду «Железная рапсодия»? Нет, мы не были металлистами. Отнюдь... Это потом уже эта грязь пошла... Ну что, Володя, выпьем, что ли? – Он достал «Смирновскую» из пыльного шкафа.

Я не удивился, если бы он назвал меня даже Адольфом Гитлером. Но ведь он, черт возьми, попал в точку!

Мне захотелось срочно поглядеться в зеркало. У меня даже лицо зачесалось.

На подоконнике торчал осколок зеркала, и я без удовольствия в него заглянул.

– Это тоже из Союза вывез, – заметил попутно Вилкин. – Там на таможне все шизели, когда проверяли мое барахло. Особенно от зеркала. Даже на спектральный анализ отправляли. А я им, представляешь, пропел: «С любимым барахлом не расставайтесь!»

Я внимательно изучил в зеркале уже знакомое лицо. Хотя никак не могу привыкнуть.

– А женщину не захватил, с которой «не расставайся»?

Вилкин погрустнел. Не надо было спрашивать.

– Сначала хотел – денег не было. Когда деньги появились – уже было поздно. Я даже не знаю, что с ней. Написал ей одно письмо, она ответила. А больше не стал. И, что называется, пошел по рукам. Недостатки полового воспитания в Совковии. Давай, Вовка, выпьем за нерушимую!

Я с отвращением выпил, не спрашивая, что он имел в виду. После чего поинтересовался:

– Так где же девушка по имени Пата?

– Но ведь это же ты, гад, от меня ее увел!

– Э-э, я всего лишь поигрался и отпустил.

– Я вот морду лица твоего, извини, забыл, у меня хреновая зрительная память. А вот когда ты заговорил на нашем... У меня, Вован, стопроцентный музыкальный слух. Даже пятидесятипроцентный! Нет людей с двумя похожими голосами. Это ты знаешь? Даже всякие там жонглеры-пародисты не смогут повторить: голос уникален. А я тебя сразу вспомнил, когда тебя, нищету, привела девчонка. А потом мы пили виски, и я повез тебя к Лао. Кстати, ты мне обещал за это пятьсот баксов!

– Помню. Но сейчас отдать не могу.

– Ладно, потом отдашь – шестьсот! – он засмеялся.

– Ну а ты сколько от них получил, прохиндей? – поинтересовался я. – Ты что, не знал, на какую работенку меня сосватал? Они хотели утопить меня в океане вместо платы. Но я, как видишь, не так прост. Вот так!.. А кто эта девчонка – смылась при моем появлении? Я не успел рассмотреть ее лицо.

– Может, она пошла в туалет! – пожал плечами Вилкин.

– Это была Пат! Приведи ее сюда.

– Чего ты тут раскомандовался! – недовольно пробурчал он, но подчинился. Еще бы: со мной мафия не справилась, а это сильно впечатляет.

Я пошел вслед за ним.

– Как звать ту девушку, которая ушла? – спросил я у коллектива массажисток.

– Тим!!! – ответили мне хором.

– А где она?

– У нее кончилась смена! Она ушла, – пропищала худышка с верхнего ряда.

Все закивали головами, глядя то на меня, то на хозяина.

– Вот видишь, – с укором сказал Андрей, – а ты мне не верил, человеку, который пустил тебя в самый сокровенный уголок своего дома.

«Уж лучше бы ты принимал меня в уютном пятизвездочном отеле, нежели в этой конуре с голой лампой без абажура на сером потолке».

– Пойдем водку пить, а? – Он смотрел на меня по-собачьи.

Мы вернулись в сокровенный уголок – в конуру. Вилкин пустился в сопливые воспоминания о своей былой жизни. Он тер плешь, потом глаза, стучал кулаком по столу. Он рассказывал, как качал мускулы при помощи штанги: его девушка была плотного телосложения, и ему предстояло вынести ее из загса. Он заработал немереные деньги на разных финансовых махинациях, прокатил и кинул кучу подельников и поэтому вынужден был скрываться в этой далекой нелюбимой стране. А месяц назад его случайно обнаружили бывшие соратники по коммерции. Они вновь разбогатели, накопили денег на заграничные вояжи, Багамы и Таиланд, и в один прекрасный момент неожиданно забрели в его заведение.

– Они меня не били. Они назвали такую сумму, от которой волосы у меня сначала стали дыбом, а потом начали спешно покидать мою голову, как крысы с тонущего корабля... Скажи, я сильно облысел? Что мне делать? Давай я возьму тебя к себе в охранники! Соглашайся! Я буду платить тебе по тысяче баксов в месяц. И все мои девочки будут твоими, хоть зажрись.

Не хватало мне только конфликтов с питерскими бандитами! Я кивком поблагодарил и перешел к делу:

– Слушай меня внимательно, пьяная свинья! Лао приказал мне привезти девчонку! Где Пат?

– У меня ее нет! – выкрикнул Вилкин и неумело полез драться.

Я отшвырнул его как котенка. Он отлетел под стол, видно, ударившись о магнитофон «Комета» – сразу заиграла жуткая стереофоническая музыка.

– Я помогу тебе, если ты скажешь, где Пат! – крикнул я.

Он видел только мои ноги и общался с ними на равных.

– Вы, сударь, перекаати-поле, у вас полностью отсутствует жизненная концепция. Человек, не имеющий собственности, – потенциальный преступник. Такие, как вы, не имея ничего, обычно считают, что имеют все. Вы, наверное, член КПСС?

– Член ЦК КПСС... Давай вылазь.

– Спасибо, я здесь пережду непогоду, – ответил он и глубоко вздохнул.

Я уселся на диван. Сэр Артур выключил магнитофон, выглянул наружу, посмотрел нетрезвым разбегающимся взглядом и спрятался снова.

– Я не буду тебя колотить.

– Если ее не убили, то она жива, – заметил он.

– Дальше! – поторопил я, не оценив мудрость.

– Она всегда нравилась Лао. И когда он появлялся у меня, то не упускал случая с ней развлечься. Ты не ревнуешь? К проститутке нельзя ревновать, потому что это все равно что ревновать к общественному автобусу, в котором все ездят.

– Ты набираешь штрафные баллы...

– И Лао тебя вовсе не посылал. Ты лжешь! Потому что твоя девчонка, скорее всего, в его тайном борделе. Для своих. Об этом борделе никто не знает. Лао рискует. По конвенции ему нельзя содержать бордели. Потому что он подгрел наркотики. А то и другое в Таиланде нельзя. Жадных съедают акулы – в прямом смысле. А он жадный, и скоро его тоже...

Он не договорил и вылез из-под стола наружу. Потом он снова стал уговаривать меня стать его телохранителем, так как «желтым» доверять нельзя. Рано или поздно они сдадут его, как чужака, причем в тот самый момент, когда он будет отдавать ежеквартальную дань полиции.

Он постарался сделать хитрое выражение лица, каким его можно сделать в тяжком алкогольном опьянении, и вновь стал меня покупать:

– Если я тебе скажу адрес борделя, где скучает твоя красавица, будешь на меня пахать? Мы будем вести интеллектуальные беседы, ты не перетрудишься. Надо просто попугать этих придурков...

Я не стал спрашивать, почему он не обратился в полицию – ясное дело, Королевство Таиланд менее всего интересовали бывшие разборки и трудности сэра Артура Вилкина.

Посему я налил по полному стакану. Сэр махнул, я пригубил.

– Говори и не торгуйся, – наставлял я. – Ты же всегда был хорошим парнем, хоть и подставил меня этой мафиозне. Ай-я-яй, сдал с потрохами, как дешевого раба, бесплатного лоха, расходный материал, вроде магазина с патронами. Хотя, Андрюша, за патроны тоже платить надо. Да-да, злобной «машинке» со стопроцентным КПД! Придурку, поверившему на честное слово и готовому на все! Русский характер, загадочная душа, рубаху – в ключья: и никто не разгадает, откуда в том парне вселенская дурь?..

Я вошел в раж, чувствуя приближение того, что называют «моментом истины».

– А ты здесь сильно поумнел: сдал, не дрогнув, своего соотечественника! А ведь это святотатство: ты ж водку со мной пил и колбасой закусывал. Как же ты мог, гад ты тайский, фигня из-под ногтей, гнилуха, свинья плешивая, урюк вагинальный...

Вилкин замямлил: верный признак ломового опьянения:

– Володечка, я н-не знал, что они так с тобой... нехорошо.

– А ты говоришь: пятьсот долларов. Это ты у меня должник. Вечный... Знаешь, как поступают настоящие джентльмены в твоем случае? Они безапелляционно спускают курок, стреляя в свою голову. Самосатисфакция, понимаешь.

Вилкин «поплыл». Опухшее лицо попыталось изобразить неряшливую улыбку, но уголок рта тут же потек вниз. Я поправил его падающий подбородок. Он негодуя, по-лошадиному, мотнул головой.

– Вилла «Семь Пальм»... К югу от Паттайи, за шоссе Сакхумвит, пересекаешь его начисто, и к югу километров восемь. Там у него целый гарем. Так говорят, но я там не был...

Прощаться не стал. У местных отморозков взял напрокат мотоцикл. До курорта Паттайя преодолел долгую пустынную плешь, потом еще два часа мчался по побережью, затем повернул на север. Звезды подсказывали мне путь. Я управлял двухколесным зверем, одновременно прикидывая, как бы мобилизовать весь мой прошлый потенциал спецназовца.

Как всегда, неожиданно родился план: молниеносный блицвоплъ.

Любимое время для спецназа – ночь. Люди мускульной силы обожают себя, но они не любят яркого света, несмотря на то, что он так выгодно подчеркивает их мышцы. Черная ящерица избирает бросок. Когда ее хватают, она жертвует своей плотью.

Я черная ящерица, которая выбирает ночь.

Наконец я подъехал к заборчику из ажурных железячек.

Ежели б я попробовал перелезть через него, то сразу бы поддел на колышек свою печенку или желудок. Здесь негде было спрятаться; поэтому для наблюдения я подыскал уютную канаву. Судя по ее наполнению, черноокие тайки втихаря сбрасывали сюда мусор. В дождливое время здесь, как в речке, плыли окурки, гнилые ананасы, банки-жестянки, не исключено, и жертвы уголовных войн.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.